

З В Е З Д Ы Д Е Т Е К Т И В А

А Д А М Н Э В И Л Л
ПРОПАВШАЯ
ДОЧЬ

Пятикратный лауреат премии имени Августа Дерлета

Адам Нэвилл
Пропавшая дочь
Серия «Звезды детектива (АСТ)»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66867053
Пропавшая дочь / Адам Нэвилл: АСТ; Москва; 2021
ISBN 978-5-17-137101-2*

Аннотация

Недалекое будущее. Из-за перемен в климате и экстремальных погодных явлений миллионы людей остаются без крова, экономика и инфраструктура Европы начинают разрушаться. Англия задыхается от потока беженцев, невероятной жары и эпидемии, которая уже охватила весь мир. Силы полиции с трудом поддерживают порядок, а побережье и большая часть страны фактически отданы на разграбление бесчисленным бандам, главную из которых возглавляет таинственный Король Смерть. В этом мире у самого обычного человека похищают дочь прямо из дома. Проходит два года, полиция ничем не может ему помочь. На фоне постоянных наводнений, ураганов и общего хаоса дело о пропавшей девочке мало кого интересует. И тогда отец, сходящий с ума от горя, начинает поиски сам. Он еще не знает, в какую тьму они его приведут, не знает, что страшные легенды, ходящие о Короле Смерть, не лгут. Но и другие люди не подозревают, в какого монстра могут превратить обычного

человека отчаяние и любовь и насколько далеко он может зайти ради мести.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

125

Адам Нэвилл

Пропавшая дочь

*Посвящается Джилл, Бернарду и Лиз.
А также памяти Грэма Джойса и Мишеля
Парри*

*Должны терпеть
Мы умиранье, как рожденье терпим.*

Уильям Шекспир. Король Лир¹

1

Последний раз он видел дочь в палисаднике. Два года назад.

Отец уже не помнил, сколько раз проигрывал у себя в голове события того жаркого дня. Только в первые полгода после похищения не меньше тысячи. Он подозревал, что его жена, Миранда, возвращалась к тому дню еще чаще, с каждым разом все сильнее отдаляясь от окружающей действительности. Он до сих пор верил, что отчасти она так и осталась стоять в палисаднике их старого дома, бледная от шока.

¹ Перевод О. Сороки.

Он мысленно проматывал дерганные кадры воспоминаний – сперва пересвеченные, потом слишком темные, все снятые в тот день, ставший его худшим кошмаром. Искал в них хоть какую-то зацепку, мысленно переснимал их, пытаясь представить другое развитие событий. Затем смотрел их на повторе, тем самым наказывая себя. Но хватаясь за обрывки воспоминаний, цепляясь за более мутные фрагменты тех последних роковых минут, он всегда почти сразу же замечал новые детали. Чем больше он напрягал память, тем сильнее в нем крепло искушение действовать быстро и решительно. Сделать то, что не совершилось тогда. Но как бы усердно он ни старался, изначальный сценарий так и оставался без изменений, непереписанным.

Палисадник был многоярусным. Впервые Отец увидел его, когда они с женой занимались поисками дома. Он напоминал ступенчатую пирамиду вроде тех, что бывают в джунглях, или склон холма, разделенный древними фермерами на уровни. Отцу часто приходилось работать вдали от дома, и те два года, пока они жили здесь, его жена аккуратно и с неизменным упорством, ярус за ярусом, обрабатывала склон. На этом выходящем на улицу огороде росли кукуруза и картофель, цукини, тыквы, кабачки и капуста. За домом, в длинном ровном саду, в бамбуковых вигвамах зеленели бобы, а затянутые блестящим полиэтиленом теплицы, сверху напоминающие лужицы воды, простирались до самой дальней ограды. Задний сад приносил все фрукты, которые толь-

ко можно было пожелать.

Отец перевез семью из Бирмингема на побережье, когда Темза стала слишком часто выходить из берегов, а новый приливный барьер еще не достроили. Это означало, что сперва десятки, затем сотни тысяч и, наконец, миллионы людей переезжали из Лондона во второй по значимости город – окруженный со всех сторон сушей кусок юрского известняка, не подверженный наводнениям и расположенный достаточно высоко, чтобы волны, которые однажды поднимутся на девяносто футов над остальным миром, не достали до него. По какой-то жуткой иронии люди, бегущие с юго-востока, направлялись в то место, где когда-то началась промышленная революция, крепко завязанная на угольном отоплении. Вместе с людскими массами переезжали банки и предприятия, а также большая часть центрального правительства со всеми его филиалами: все старались приспособиться. Переселенцы двигались непрерывным потоком, бежали от наводнений и массовых уличных беспорядков, перед которыми полиция была бессильна. От такой эвакуации цены на жилье взлетели вдоль всей линии отступления. Но поскольку большая часть денег страны была сосредоточена в Лондоне, тому пришлось расстаться с их частью.

Во время этой великой миграции их дом на юге Бирмингема, неподалеку от последней приличной школы, был продан за сумму, намного превышающую ту, которую они выложили за него в свое время. Они были одними из немногих

первых выигравших, так как мировые продуктовые рынки рухнули, а экспорт продовольствия замедлился до минимума – пока наконец не иссяк. По крайней мере, для тех, кто не был наделен средствами и коварством. После того как пахотные земли между городами засеяли генетически модифицированными, устойчивыми к засухе сельскохозяйственными культурами, новых домов строилось мало. Каждое поле, где паслись овцы и крупный рогатый скот, каждый городской парк, футбольное поле, газон, насыпь вдоль автомагистралей – каждый дюйм озелененной территории – отдали под новые культуры, поскольку мясо и рыба исчезли с полок магазинов.

Отец с женой и ребенком переехал на побережье, но не в то место, которое грозило уйти под воду. С давних пор из-за дефицита работы там мало кто хотел жить. А до появления новых волн беженцев еще оставалось какое-то время. Отец перевез семью в дом на одном из холмов города Торки. Из окон открывался красивый вид, и рядом был свой огород. В Девоне все выращивали еду и за десять лет вынужденно превратились в вегетарианцев.

Во времена, когда все становилось только хуже и впереди не было видно просвета, дом на холме казался безопасным местом. Защищенный деревьями, просторный, светлый, открытый морским ветрам, он располагался вдали от шумных автомагистралей и городской нестабильности, которую семья оставила позади. Им казалось, что это лучшее место, где они смогут растить и лелеять своего единственного ре-

бенка.

В тот день дочь гуляла в палисаднике их дома на высоком холме.

Отец находился в комнате наверху, в своем домашнем кабинете, писал сообщения женщине, никак не связанные с работой, и такие, которые не мог отправлять женатый мужчина. Из открытого окна доносился легкий шум проезжающего вдалеке автотранспорта – в основном местного. Часто это были грузовики, везущие зерно из житницы Восточного Девона и с обширных возделанных полей Дартмура.

Из-под окна то и дело слышался голос дочери, комментирующей работу матери, что всегда вызывало у Отца улыбку. Какое-то время он наблюдал, как она, двигаясь проворно и целеустремленно, перетаскивает с места на место маленькое пластиковое ведро, заполненное молодым картофелем. Затем снова вернулся за стол.

Дочь находилась на третьем из четырех ярусов палисадника – на полпути между домом и улицей. Ее мать – на четвертом, ближайшем к дому.

Отец услышал, как жена вошла в дом – через двери террасы, ведущие в гостиную. Начиная с конца весны до начала осени они в основном обедали на террасе – этот замощенный участок стал для них уличной столовой.

Зайдя в дом, жена крикнула Отцу: «Она у грядки с корнеплодами. Собирает картошку для космического полета к Нэнни». Отец рассмеялся, хотя не мог не признать, что эта

фраза его тронула, в тот день его мысли занимали иные вещи. Например, возможность овладеть телом другой женщины на продовольственной конференции в следующем месяце. Он знал, что жена поручила ему следить за дочерью из окна. И собирался так поступить, когда закончит свои дела. Когда допишет сообщение, соблазняющее и одновременно ни к чему не обязывающее.

Жена принесла из гостиной на кухню два ведра лука и огурцов. Опустила их на пол. Затем высыпала огурцы в дуршлаг и поставила его в раковину. Отцу казалось, что он помнит шум струи из-под крана – сначала напор был сильным, потом уменьшился. Тем летом воды, как всегда, не хватало. Водохранилища, которые наполнялись во время весенних паводков, сейчас пустили на орошение посевов, вдобавок все уходило на охлаждение новых электростанций, и последнее время так было всегда.

Пока вода бежала, Отец слышал, как дочь позвала: «Мамочка». Без какой-либо тревоги в голосе.

Отец допечатывал последнее предложение – ему не терпелось быстрее отправить его, чтобы он мог выглянуть и посмотреть, чего хочет дочь. Та снова позвала мать из палисадника – на этот раз голос был чуть громче. Внизу на кухне лилась вода. Жена не слышала окликов.

Дочь снова позвала ее с улицы. Отец слышал, как малышка сказала: «Что это?» Он подумал, что дочь обращается к своим игрушкам. Больше она ничего не произнесла. Но

Отец услышал стук пластика. Это ведро дочери упало на сухую почву.

Прошло еще несколько мгновений.

Жена выключила кран. Отец услышал, как звякнули металлические ворота участка. Они находились в конце цементной дорожки, проходящей сбоку от дома и спускающейся по склону к дороге.

При этом звуке Отец поспешно отодвинул стул от стола, забыв про переписку, встал и подошел к окну.

Несмотря на то что он всегда переживал из-за автомобильного движения на улице, дочь никогда не спускалась с палисадника без сопровождения. И даже если бы зашла так далеко, то не смогла бы отпереть ворота.

Он подумал, что этот звук был попыткой кого-то из посетителей открыть ворота – какого-нибудь уличного торговца или евангелиста. Он не услышал характерного скрежета тяжелой металлической рамы по первой плитке дорожки. Лишь те, кто был знаком с воротами, знали, что ее нужно сперва приподнять, а лишь потом тянуть или толкать.

Отец посмотрел из окна на палисадник. Он не увидел дочь ни на третьем ярусе, ни на четвертом, ближе к дому, ни на втором, там, где когда-то была лужайка. На первом ярусе плотно росли деревья – их оставили, чтобы скрыть фасад здания от посторонних глаз.

На террасе появилась жена, пересекла ее с беззаботным, расслабленным видом. На ней были зеленые резиновые пер-

чатки, джинсовые шорты, одна из его футболок и кроссовки. Глядя на ее затылок, Отец собирался сказать: «Я ее не вижу» – но не стал.

Жена быстро посмотрела по сторонам, затем оглянулась назад. Спокойным голосом позвала дочь по имени, так же спокойно вернулась в дом.

Отец решил, что дочь прячется за деревьями в конце палисадника. В те дни, когда он был дома, она часто играла в прятки, и в рощице была пара мест, где она прижималась к стволу, закрыв глаза руками, и думала, что ее никто не видит. Но Отец не мог разглядеть ее розовых шортиков или красной футболки среди темной зелени, скрывающей крышу гаража. Вглядываясь в деревья, он расслышал далекий звук работающего на холостом ходу двигателя. Хлопнула дверь, потом еще одна.

Тут из дома вышла жена – уже куда быстрее, чем раньше. Остановилась и замерла. От ее позы Отца тут же захлестнула тревога, закололо в животе. Жена быстро пересекла террасу, направилась к грядкам, спустилась на второй ярус и посмотрела на ведро. Снова повернулась к дому и заметила в окне Отца. На мгновение на лице у нее отразилось облегчение. Она явно подумала, что Отец все время, пока она была в доме и возилась с овощами, наблюдал за их девочкой и знает, где та.

Но потом жена, должно быть, увидела что-то в глазах Отца, потому что ее лицо приняло выражение, которое быва-

ло, когда дочь вырывалась из рук и теряла равновесие. Она снова посмотрела на палисадник и позвала дочь. Наступила короткая, но жуткая тишина. Жена посмотрела на окно отцовского кабинета и спросила: «Где она?»

Будто в ответ, с улицы донесся рев набирающего обороты двигателя и визг шин. Отец внезапно почувствовал, будто стоит в лифте, который стремительно падает в бездну.

Нет, нет, нет, нет, – запричитал фальшиво-веселый голосок у него в голове. Отец выбежал из комнаты, бросился вниз по лестнице, миновал коридор, гостиную и выскочил на террасу. К тому времени жена находилась уже на первом ярусе, снова и снова торопливо зовя дочь по имени напряженным голосом.

Отец пробежал по дорожке, спрыгнул со ступенек на нижний уровень и увидел, что ворота приоткрыты. У него перехватило дыхание. За какую-то долю секунды перед глазами промелькнули все плакаты по безопасности дорожного движения, которые он видел за свою жизнь. Но он не слышал шума автомобилей, поэтому, если дочь вышла на улицу, опасность от приближающихся машин ей не грозила.

Он вспомнил ее последние слова: «*Что это?*»

Тогда он впервые заподозрил, что ее мог похитить незнакомец. Когда эта мысль пришла ему на ум, голова жутко закружилась, будто он только что слез с карусели на игровой площадке. Потеряв равновесие, он схватился за ворота.

Затаив дыхание, вышел на улицу. Ноги дрожали, его слов-

но контузило. Улица внезапно показалась какой-то более яркой, но воздух был прохладнее, чем тогда, когда он бежал через палисадник.

Жена окликнула его из-за деревьев. Со слезами в голосе добавила три слова: «Ее здесь нет».

В верхней части длинной улицы, протянувшейся от больницы до главной дороги, по которой он добирался до автостреды, а потом напрямик на работу, примерно в трехстах футах от себя Отец увидел три машины. Белая поворачивала на их улицу, красная ждала у стоп-линии, чтобы повернуть налево – что она и сделала, когда он посмотрел на дорогу. За красной ехал черный электромобиль-внедорожник. Его стоп-сигналы сверкнули, как две вишенки на солнце.

Над улицей мерцала пыльная взвесь. Пешеходов не было. Отец зашагал в сторону перекрестка. Он не бежал, какая-то его часть отчаянно пыталась прогнать мысль о том, что дочь похитили. С самого ее рождения его постоянно мучила тревога за ее безопасность. Но то, что он испытывал сейчас, усилило инстинктивный страх до такого уровня, что заложило уши и перехватило дыхание.

«В палисаднике ее нет». Жена спустилась по ступеням и вышла на улицу. Он даже не заметил ее. Все еще не веря, Отец окинул взглядом соседние участки, посмотрел через улицу, оглянулся назад, пытаясь одной силой мысли заставить дочь появиться.

На Т-образном перекрестке черная машина по-прежнему

ожидала своей очереди, чтобы продолжить движение. Наконец Отец обрел голос и позвал дочь по имени.

Снова услышал оклики жены у себя за спиной. Она вернулась в палисадник. Ее голос звучал все пронзительнее в неподвижном влажном воздухе.

Черная машина в конце улицы, казалось, никуда не спешила. С расстояния в двести футов Отец не смог прочитать ее номер. Его ноги будто налились свинцом, но вскоре он перешел с быстрого шага на бег и заплакал, как напуганный ребенок.

Черная машина повернула налево, на главную дорогу, и исчезла из виду.

2

Малюсенькие розовые тапочки, с передками в форме мышиных мордашек. Усики она давно оторвала.

Отец вытер вспотевшие руки о простыню и положил тапочки на матрас. Извлек еще один предмет из розового рюкзака: футболку, такую крошечную, что от ее вида у него защемило сердце. Иногда он доставал ее и подносил к лицу, веря, что все еще может уловить аромат своего ребенка – смесь солода и мыла.

Футболка была желтого цвета, с медвежонком, держащим в лапке мороженое. Дочь была в ней на его любимой фотографии, которую он всегда ставил на прикроватные столики

в многочисленных комнатах, которые снимал, вроде этой.

Тогда ей было три года, она стояла у них в саду, среди зонтиков из тыквенных листьев, закрывавших ноги. День был такой солнечный, что снимок казался засвеченным. Дочь улыбалась, демонстрируя маленькие квадратные зубки, а из-за света, падающего на черные как смоль волосы, макушка у нее блестела. Прищуренные из-за яркого солнца, похожие на темные драгоценные камушки синие глаза светились от радости.

Следующим из розового рюкзака появился Тряпичный Котик. Эту мягкую игрушку подарил его брат, который жил в Новой Зеландии. Если Тряпичный Котик терялся, Отец и его жена начинали паниковать. Однажды ночью в поисках Тряпичного Котика он полез через ограду в парк, убежденный, что во время дневной прогулки дочь уронила игрушку через край коляски, а он не заметил. Восстановив в памяти маршрут прогулки, он двинулся между рядами проса, покрывавших две квадратные мили бывшей озелененной территории Западного Мидленда. Ряды зерновых напоминали фаланги великой древней армии, каждый солдат которой держал копье. Отец, с фонариком в руке, обшарил целую милю земли в поисках игрушечного кота, вдоль каждой асфальтированной дорожки, до боли в глазах всматриваясь в темноту. Эта игрушка была незаменимой. Жена уже просмотрела в Интернете массу торговых площадок и обнаружила бесчисленное количество разных котов, но именно такого нигде не было.

Кот-самозванец ни за что не одурачил бы дочь.

Отец так и не нашел Тряпичного Котика, потому что тот находился там, куда его дочь положила и забыла. Пока Отец рыскал в темноте, а его маленькая девочка оплакивала потерю, Тряпичный Котик лежал в целости и сохранности дома, в кухонном шкафу.

Чуть позже дочь перестала тянуться к Тряпичному Котику. Ее новыми постоянными спутниками стали жираф и длинноногая лягушка. Но когда Отец решил, что Тряпичного Котика можно убрать на хранение в гараж, игрушка вернула благосклонность девочки и снова оказалась в центре ее внимания. Отец часто пытался представить лицо дочери, если она и Тряпичный Котик когда-нибудь воссоединятся.

Его больше заботила память о ней, чем собственное состояние, и он бережно хранил ее вещи рядом с собой, чтобы ни одна ее частичка больше не потерялась. Но когда он мысленно представлял количество людей, набившихся на этот остров, то понимал, почему его семья никогда не была приоритетом для полиции. Задумываясь о миллионах беженцев – ежедневно прибывающих гигантских шумных толпах людей с усталыми лицами – он осознавал, почему у властей никогда не будет времени искать одну четырехлетнюю девочку. И всякий раз, смотря новости, он понимал, почему так мало находят пропавших без вести – потому что их почти не ищут.

Чрезвычайное правительство заявило, что население Британских островов по-прежнему составляет девяносто милли-

онов. Другие утверждали, что их численность уже приблизилась к ста двадцати. В любом случае они с женой просто потерялись среди такого количества людей. Когда через год после похищения дочери он принял этот факт, то какое-то время просто сидел и молчал. Жена слегла и больше так и не вставала.

В первый год они с женой сделали сотни телефонных звонков, разослали тысячи электронных писем разным людям и организациям. Иногда они встречались с задержанными людьми, которые уделяли им немного времени. Фотографии девочки показывались по телевидению, а также появлялись на веб-сайтах. Телевизионные объявления шли несколько дней, в Интернете информация висела пару-тройку месяцев. Большую часть того, первого года Отец ходил и ходил, и показывал фотографию дочери всем, кого встречал, но этого было недостаточно. И пока он молил людей с обеспокоенными лицами о понимании, ему приходилось сталкиваться со многими другими несчастными, показывавшими фотографии в толпах прохожих, на улицах, в городах и деревнях. И во время своих походов он понял, что потеря дочери по-настоящему свела его с ума.

Он никогда не сможет ни адекватно описать кому-то глубину своего потрясения, ни выразить, насколько мучительно все прокручивать в голове вновь и вновь. Для этого не хватит никаких слов. И он пришел к выводу, что когда мозг вынуждают функционировать в таком режиме, тот просто ло-

мается.

Два года их жизнь была связана исключительно с горем. Пропала не только дочь, вместе с ней у них забрали способность к счастью. Возможно, похитители об этом даже не задумывались — о коварных последствиях своих действий, об убийственном затяжном эффекте. А может, они пребывали в эйфории от осознания этого, и такая далеко расходящаяся рябь придавала им сил через странную ментальную алхимию нарциссизма. Если все так, то у него есть полное право уничтожить их.

Встав с коленей, Отец лег на кровать и свернулся клубком вокруг тапочек, Тряпичного Котика и футболки. А потом его затрясло.

Четыре часа спустя поступил звонок, которого он ждал. Поэтому Отец вытер лицо полотенцем и откашлялся из-за комка, который отложила в горле скорбь.

Общение было только голосовым, не визуальным. Скарлетт Йоханссон. Он будто силой воли заставил ее позвонить. И она дала ему информацию о следующем человеке, которого необходимо навестить. Сексуального преступника звали Роберт Ист.

3

Бунгало Роберта Иста стояло в дальнем конце тупика, за

низкой оградой из котсуолдского камня². Перед покрытым розовой штукатуркой фасадом и подъездной дорожкой из белого камня, между двумя рядами декоративных кустов лежала аккуратная лужайка с бурой засохшей травой. Деревянные жалюзи мешали солнечному свету проникать в окна. Ворота отсутствовали. В лучшие времена это, может, было бы нормально, но не сейчас.

В ходе разведки, сразу после звонка Скарлетт, Отец впервые взглянул на бунгало Роберта Иста. За три последующих дня, когда он проезжал мимо или наблюдал издали, на улице ничего не изменилось. Все машины стояли на своих местах. Опять же, в сухой листве палисадников ни одна ветка, ни один листик не сдвинулись с места, будто жара законсервировала все, словно на натюрморте.

В тупике было всего шесть домов, владельцы которых предпочли укрыться в этой лучшей части Кокингтона. С правой стороны расположились три приличного вида бунгало, все окна зашторены, жалюзи опущены. Спереди стояли два «мерседеса» и один «ягуар». На фасадах двух из трех домов виднелись маленькие стеклянные полусферы камер наблюдения.

По левую сторону улицы возвышались два бетонных таунхауса, к которым тянулись хрупкие ветви нависающих над ними деревьев, похожих на скелеты. Двухэтажные, застек-

² Желтый известняк, который после выветривания придает зданиям красивый медовый или золотой оттенок.

ленные строения с видом на море были врезаны в склон холма семьдесят лет назад. Балконы были пусты, окна закрыты. Но в здании по соседству с его целью кто-то явно любил наблюдать за восходом солнца, поскольку жалюзи гостиной на первом этаже были открыты. В черных окнах отражался широкий купол моря.

На двух уличных фонарях висели камеры. А еще он попадет на камеры домов, когда пойдет по короткой дороге. Но это была недостаточно веская причина, чтобы отказываться от задуманного. Отец больше не хотел тратить время впустую, поскольку воспоминания людей, с которыми ему необходимо было поговорить, постепенно стирались. Теперь время шло быстрее, и жизни, которые оно двигало вперед, наполнялись обломками мыслей и чувств. В мире случалось слишком много катастроф, которые необходимо было осмыслить, постоянно происходило что-то новое. Наступила эпоха инцидентов. В Девоне, на местном уровне, царил страх перед жарким летом, зимними паводками, эрозией утесов, размывом грунта, деградацией почвы, отключениями электроэнергии и казавшимися бесконечными притоками беженцев.

Небо из темно-синего становилось светло-голубым. Через час оно станет серебристым, ослепительно ярким и мозги начнут кипеть от жары. Когда Отец, перед тем как пройти пешком через деревья напротив тупика «Виктори Клоуз», припарковался улицей ниже и закрыл номерные знаки, уже

было двадцать градусов. От нервозности и напряжения он вспотел еще сильнее.

Было четверть шестого, и, после того как Отец заехал на холм, он не увидел ни одного проезжающего автомобиля. В любом случае в городе сейчас не так много работы, и движение в этой части города было не особо оживленным. Здесь стояли дома тех, кому за шестьдесят и кому не нужно вкалывать, пока они не околеют где-нибудь между складских стеллажей или в поле. Здесь жили руководители старшего звена, отставные должностные лица и несколько мафиози, но по-настоящему крупных «акул» здесь не было. Эти обитатели так и не примкнули к «верхним двум процентам»³, хотя и пытались. И в основном покинули рынок труда, чтобы в неумолимом и неизменном кризисе обрести такой комфорт, на какой только могли надеяться. Они терпели перебои с электричеством и диету из синтетического мяса с сезонными овощами, но по-прежнему вели образ жизни, недоступный большинству. У них все было в порядке. Они даже могли себе позволить патрулирование территории. Возможно, оно осуществлялось каждый час – в Торбее, например, предлагали такую услугу. Но в такую-то жару? *Все службы испытывают трудности...*

То, что гражданам было почти невозможно заручиться в кризис помощью, тоже играло на пользу. Чувство коллек-

³ Верхние два процента мирового населения, в чьих руках сосредоточено максимальное количество денежных средств и материальных ценностей.

тивизма даже в лучших частях города казалось крайне избыточным. Люди слышали выстрелы и запирали двери, радуясь, что пришел не их черед. Во многих частях страны вообще мало кто знал своих соседей. Недоверие стало национальной чертой.

В то лето по всему городу пожилые бедняки умирали в своих постелях от теплового удара, и часто их обнаруживали лишь по запаху. От этого Отцу было не по себе, но такое положение дел имело большой плюс. В это время дня преступность была на низком уровне. Лихой народ бодрствовал по ночам и спал допоздна. Но только не Отец. Профессионалом он не был, но в кое-чем уже преуспел.

Он проверил свой набор: рюкзак на спине, иммобилайзер, маска и газовый баллончик в передних карманах армейских шорт – в прямом доступе для левой и правой руки. Отец надеялся, что управится до шести. Он посмотрел на часы. Отхлебнул водопроводной воды из бутылки, которую держал в заднем кармане. Низко натянул широкополую шляпу и надел солнцезащитные очки, чтобы скрыть верхнюю половину лица. В помещении он наденет маску.

Но пока он не мог направиться к бунгалу и вместо этого решил отлить. В животе крутило, а трусы в районе пояса и между ягодицами взмокли от пота. Он слышал свое громкое дыхание, будто рядом стоял человек, страдающий астмой.

Дрожа от нервозности, он заставил себя мысленно представить свой подход к дому. Быстро и уверенно по прямой,

вдоль левой стороны, ведущей к тупику дороги, лицо опущено. И не успел он принять решение выдвинуться, как ноги сами понесли его вперед.

Здания и деревья прыгали перед глазами, и первые десять футов асфальта дались его ногам нелегко. Все, чего он хотел, это упасть на колени.

Он очистил свои мысли от всего, кроме одной вещи – деревянной двери в конце улицы. Номер 3. Для кого-то это число было несчастливым.

4

Пока Отец двигался сквозь прохладный мрак бунгало Роберта Иста, казалось, что в каждой пустой комнате, будто произнося проклятие, гремел торжественный голос диктора новостей:

«После принятого в прошлом месяце Испанией, Италией, Турцией, странами Бенилюкса и Центральной Европы решения о повторном закрытии границ вновь образованное французское правительство также приступило к рассмотрению данного вопроса, утверждая, что территорию их страны вновь «наводнили беженцы». Президент Лемэр объявил сложившуюся ситуацию „неуправляемым и разрушительным гуманитарным кризисом“. Этот шаг вызвал ожесточенную критику со стороны скандинавского блока и Великобритании, последняя охарактеризовала такую политику как „спо-

собную привести к неисчислимым потерям среди самой уязвимой части населения планеты“. Лидер британских националистов, Бенни Принс, приветствовал эту новость и призвал британское чрезвычайное правительство последовать примеру Франции».

Радиоэфир уже давно сдался безжалостной круглосуточной литании, отрывкам из библейских историй об эпохальной гибели человечества. Многие считали, что лучше об этом не думать и жить одним днем. Отец никогда не относился к их числу. Сперва эти новости вызывали у него интерес, потом скуку и, наконец, утратили для него всякий смысл. Он старался подолгу держаться подальше от СМИ, но они, словно коммивояжеры с их каталогом отчаяния, становились все навязчивее. Перезагрузи и запусти заново.

Это был конец короткого обзора международных новостей, ничего срочного и выдающегося. Все лето мысли британцев черным дымом затягивала тревога о лесных пожарах в Европе. По крайней мере, громкость передачи должна была заглушить треск стекла, стук его коленей об деревянную поверхность в кладовке и шум, когда Отец опрокинул корзину с бельевыми прищепками и уронил на линолеумный пол три пластиковые бутылки с моющим средством. Сигнализация тоже не сработала, что означало, что этим утром ему никто здесь не помешает. В этом доме жил самонадеянный человек.

На кухне Отец надел маску и перчатки: белое лицо из

фильма ужасов дополнили резиновые осьминожки руки.

На сушке он заметил единственную тарелку и кофейную кружку. Затем быстро прошел в коридор и остановился, пытаясь расслышать сквозь звуки радио какое-нибудь движение.

Ничего.

Войдя в столовую, он посветил фонариком на стены и сразу же понял, что здесь давно никто не ел. Все было затянуто слоем пыли. Когда-то Исты держали собак – двух спаниелей. Их фотографии покрывали стену, доминирующую над давно не использовавшимся обеденным столом с кожаными креслами на шесть персон. В свое время жена Роберта Иста, Дороти, увлекалась глазурированными керамическими статуэтками: маленькие девочки с фонарями и щенками, мальчики с пастушьими посохами, балерины и большеглазые котят. Их блестящие лица были невинны, легкомысленны и казались неуместными, учитывая то, кто сейчас остался жить в этом доме.

Дороти не стало шесть лет назад. Она дважды успешно лечилась от рака, но в 2047-м грипп скосил тех, кто был старше шестидесяти. Однако ее фигурки людей и домашних питомцев по-прежнему теснились на полках застекленного шкафа между фарфоровыми тарелками и разными безделушками – либо в память о женщине, либо по причине лени вдовца. Блестящие человечки в блаженном изумлении смотрели на незваного гостя в маске. У всех нас есть свои сувениры, –

признал Отец, но как долго мы должны хранить их, если память – это лишь еще одна вещь, способная нас сломать?

Он вышел из комнаты и двинулся по коридору, разглядывая фотографии на стенах. Роберт и Дороти сидят за капитанским столиком на круизном лайнере – загорелые лица, бутылки вина и настоящая курица.

Отсутствие детей в семье Роберт восполнял другими способами. Жаль, что собак одинокому вдовцу было недостаточно, иначе Отец не находился бы здесь в полшестого утра с газовым баллончиком в руке.

Некогда элегантная гостиная производила угнетающее впечатление – из-за закрытых жалюзи сейчас здесь царил подводный сумрак. Возле мягкого кресла, оснащенного пристегивающимся обеденным подносом, примостился небольшой диванчик, которым, судя по виду, почти никто не пользовался. Рядом стояла белая пластиковая тележка на колесах с пузырьками и упаковками лекарств, среди которых лежал пульт от телевизора. Кресло Роберта стояло перед большим настенным медиацентром. Этот дом определенно нагонял тоску, хотя парень, даже после того, что он сделал, успел разменять уже седьмой десяток.

Со слов помощницы Отца, Скарлетт Йоханссон, Роберт Ист был человеком, движимым своими аппетитами. И Отец считал, что и слава богу, что большинство людей не разделяют подобные аппетиты. Но Роберт потратил много времени и усилий на удовлетворение своих желаний. Когда поли-

ция, наконец, нашла время для расследования в отношении мистера Иста, они узнали о его опыте обмана и соблазнения детей. Местонахождение Роберта *в тот день* тоже было подходящим.

Скарлетт сказала, что Роберт никогда не подозревался в похищении его дочери, поскольку не было никаких улик ни против него, ни против кого-то еще. И поскольку у него имелось алиби, благодаря которому его исключили из круга подозреваемых во время короткого расследования в 2051-м. Роберт всегда умел обеспечить себе алиби. Но иногда его амбиции превышали его способность оставаться незамеченным.

Скарлетт была недовольна тем, как велось следствие два года назад: один-единственный полицейский допрос Роберта Иста относительно похищения малышки. Время, рабочая сила и ресурсы были в дефиците во время беспорядков в Торбее в 51-м. В 53-м их стало еще меньше. Отцу неоднократно повторяли, что ситуация критическая. Постоянно. Но его маленькая дочь была для него важнее всего, и этим утром Отцу нужно было лишь удостовериться, любыми средствами, что Роберт Ист не тот, кто ему нужен.

В коридоре Отец снова остановился и прислушался.

«К другим новостям. Между Пекином и Москвой нарастает напряжение из-за ситуации на китайско-российской границе, поскольку длящийся уже пятнадцатый год подряд кризис с китайскими беженцами усиливается».

Пора действовать. Отец двинулся по коридору в сторону трех спален. Две двери были закрыты, одна, за которой находилась главная спальня – приоткрыта.

«Регулярные засухи на равнинах Северного Китая за двадцать лет успели уничтожить сельское хозяйство. Недавний сбор урожая пшеницы, последовавший после третьего за пять лет сезона дождей, в сочетании с истощением реки Хуанхэ и глубоких водоносных слоев региона, обернулся почти полным провалом. Нехватка пресной воды была гораздо более серьезной, чем предполагалось правительством Китая в 2047 году. И классифицировалась ООН как необратимая».

Отец обнаружил Роберта сидящим в кровати, тот внимательно следил за новостями, плохими известиями со всех концов света и, возможно, гадал, что все это значит для него.

«...предполагаемое переселение ста миллионов китайских граждан в Сибирь в течение двух десятилетий станет, заявил министр, „крайней необходимостью“».

Дойдя до спальни, Отец включил свет и вошел внутрь.

– Кто вы? – спросил Роберт, почти не удивившись, будто появление ранним утром непрошеного гостя в маске было чем-то обыденным. Может и так. Странные были времена.

«Российское правительство заявило, что будут рассмотрены все возможные варианты, чтобы обратить вспять „растущий и неуправляемый“ поток мигрантов с востока».

Могло произойти все что угодно.

– Не вставай. Сиди смиренно.

– Чего вы хотите? – Роберт был без зубных протезов. Его шамкающий голос теперь сквозил возмущением из-за вторжения и презрением к незнакомцу, стоящему возле его кровати. Будь этот человек напуган или немогущ, у Отца могли бы возникнуть трудности с его утренним делом, поскольку в подобных ситуациях он боялся собственного сочувствия. Грубые и упрямые люди, нанешие травму маленьким детям, помогали ему переместиться в воображаемую красную комнату – в этом жарком месте он становился кем-то совершенно другим. Именно таким он был, кипящим от ярости, в трех предыдущих случаях.

Отец направил луч фонарика Роберту Исту в лицо.

– Мне нужна информация.

– Кто вы? – Роберт приподнялся над белой простыней – тощий торс в складках пижамы, с торчащей индюшачьей шей, выступающей вперед седой небритой челюстью и узкими щелочками глаз. Длинные пальцы тут же по-паучьи потянулись к прикроватному столику, пытаясь нащупать телефон или, может, тревожную кнопку.

Отец тоже выглядел нелепым страшилищем в своей плотно облегающей лицо балаклаве и широкополой шляпе, но испуга на лице Роберта он не заметил. Этот человек был старым другом конфронтаций, нарушенных границ, вторжений в чужую жизнь и деликатных разговоров. И независимо от того, знал ли мистер Ист что-нибудь о его дочери, он ни-

чем не заплатил за то, что сделал с другими детьми. Он уютно устроился на этом холме, расположившись в разумном комфорте с кондиционером, в доме, которому не страшен риск зимнего наводнения. Отец крепко сжал перцовый баллончик, шагнул вперед и нанес сильный удар, отчего голова мужчины врезалась в стену.

Из безгубого рта Роберта брызнула серебристая слюна. Волосы у него на голове колыхались, как бесцветные морские анемоны, потрясенно взмахивающие своими листьями. Рот образовал букву «О», глаза округлились, прежде чем *он* – прежде чем монстр, которым на самом деле являлся Роберт Ист, – вернулся в эти маленькие черные глазки, как дьявольский дух, вновь захвативший то, из чего был изгнан. Поблуднев от ярости, Роберт повернул лицо к Отцу и взревел, словно старая горилла, получившая пощечину от шимпанзе.

Отец замешкался, ошеломленный и утративший способность двигаться из-за этой драконьей отрыжки, вырвавшейся из хрупкой птичьей грудки, с торчащими как у трупа ключицами. Он не ожидал, что у Роберта такая луженая глотка. В голову ему пришла недобрая мысль о птеродактиле, пытающемся выбраться из тряпичного гнезда. И вскоре на голове Роберта, окаймленной ключьями волос, вздулись вены. Он сжал костлявые руки в кулаки, засучил когтистыми ногами под одеялом, торопясь встать, выбраться из постели и броситься на нарушителя.

Вот как ты держишь в узде своих коллег-извращенцев,

Роберт?

Отец пожалел, что не ударил старика еще сильнее. Полумеры и нерешительность погубят его, поэтому он выставил перед собой маленький, не больше тюбика губной помады, аэрозольный баллончик и выпустил струю старику в голову. Отвернув лицо в сторону и прикрывшись рукой от удара, он старался обработать Роберта как можно тщательнее.

Как-то Скарлетт назвала этот газ «адским дерьмом». Вскоре после их знакомства она указала Отцу место, где тот обнаружил старую виниловую сумку, в которой среди прочего снаряжения лежал полицейский газовый баллончик. Скарлетт сказала, что при попадании газа на лицо человеку кажется, будто он вдохнул черного перца и одновременно окунул голову в темную ледяную воду. В глаза словно надувает песка и из них льются кислотные слезы, а лобные доли покрываются инеем. Действительно «адское дерьмо».

«Последний аргумент», пистолет, Отец приобрел для себя.

Роберт визжал и царапал себе лицо. Он свалился верхней половиной с кровати, ударившись головой об ковер у Отца между ног. Схватив Роберта за пояс, Отец полностью вытащил его из постели и положил на пол, заплаканным лицом вниз. Роберт дрожал, словно испуганный ребенок. На несколько минут он утратит способность действовать и чувствовать что-либо, кроме бушующей грозы из перца, льда и боли, из-за чего не сможет мыслить трезво.

Отец убрал баллончик и расстегнул рюкзак, висящий на груди. Зажав между зубов маленький фонарик, он осветил в рюкзак и извлек из него резиновый мячик на кожаном ремешке.

Приподняв голову Роберта за всклокоченные на хрупком, как яичная скорлупа, черепа седые волосы, Отец вставил ему в разинутый рот этот импровизированный кляп. Не встретив препятствий в виде зубных протезов, тот вошел в пасть Роберта, словно незрелая слива. Затем Отец застегнул ремешок кляпа у старика на затылке и крепко затянул его. Напоследок надел Роберту на запястья наручники – это было легко, ведь руки были прижаты к обильно слезящимся глазам. В этом плане он начинал уже делать успехи.

Перевернув ногой Роберта на спину, Отец внимательно осмотрел его длинное тело. Оно было тощее и костлявое. А еще давно не мытое и пахнущее сметаной и уксусом.

Вынув из рюкзака бутылку физраствора, Отец полил из нее Роберту на лицо. Тот убрал руки, позволив прохладной жидкости промыть глазницы. Сперва плевался и кашлял, как бык, затем застонал и стал царапать мячик, зажатый между деснами, от которого пахло старыми резиновыми сапогами.

– Гадкое адское дерьмо. И в баллончике его еще полно. И мне его не жалко, Роберт. Я буду распылять его в этой комнате целый день, пока он не кончится. Я видел, как после двух доз глаза становятся размером с томаты «бычье сердце». – Отец постучал Роберта по бедру носком походного

ботинка. – Вставай на ноги или на колени, если ничего не видишь. И веди меня к своему «загашнику».

Роберт сидел в кресле, напуганный, красноглазый и дрожащий. Зажатый обеденным подносом, словно маленький ребенок на высоком детском стульчике. Руки в наручниках безвольно покоились на коленях. Его мультимедиаустройства выстроились на кофейном столике.

– Это все в прошлом. Я больше не совершал преступлений.

Казалось, это все, что хотел сказать Роберт.

– Когда тебе запретили появляться в интернатах, как ты справлялся с проблемой? Кто был в твоей последней шайке? Имена, Роберт. Имена и адреса.

– Я же сказал вам, я не рецидивист. Моя жена... – Он сглотнул. – Моя жена была серьезно больна, и я...

– Ты всегда заботился о ней и не стал бы гонять ее через семь кругов ада.

Отец почувствовал, что начинает терять преимущество. С газовым баллончиком была одна проблема – нарастание у жертвы страха перед второй дозой или чем-то таким же ужасным. Дискомфорт от газа был настолько невыносимым, что пострадавшие даже начинали верить, что они не сделали ничего плохого, что они завязали и никогда больше не приблизятся ни к одной мамаше-наркоманке. В этом не было ничего хорошего, как и в самооговоре ради прекращения страданий – вечной проблеме при применении пыток.

Отец поставил баллончик на кофейный столик, чтобы Роберт видел этот желтый адский пузырек, наполненный концентрированным огнем и морозом.

– Роберт, мы оба знаем, что тебе никогда не излечиться от своего пристрастия, и тебя ничто не удержит, когда оно вновь позовет. Возможно, ты даже не сможешь контролировать свои ноги, когда увидишь детские качели. Ты не успокоишься, пока твое либидо не начнет напоминать мертвую лужайку на заднем дворе. Я изучал эту тему и разобрался в ней, поэтому отрицать бесполезно. – Отец посмотрел на часы. – Время поджигает.

– Кое-кто должен прийти... мои друзья, они...

– Да, да, конечно. У тебя будет полно времени привести себя в порядок, когда мы закончим.

На мгновение лицо Роберта отразило нечто похожее на надежду, но потом сила эмоции ослабла, и оно снова приняло скорбное, настороженное выражение, которое продержится еще долго после ухода Отца. Теперь, когда они вдвоем сидели в гостиной, а драка осталась позади, Отец начал испытывать к себе ненависть. Какая-то его часть хотела просить прощения за то, что он только что сотворил со стариком у того в спальне. Но Отец отвел эту часть в дальнюю комнату своего сознания, запер и проглотил ключ.

Снова порывшись в рюкзаке, он достал фотографию в полиэтиленовом пакете и приблизился к креслу. Роберт следил за ним, молящее выражение лица снова сменилось на

презрительное. В глазах Отца, единственной открытой части лица, он заметил черту, с которой, по его мнению, он мог работать – слабость. Отец уже видел это полускрытое, но нетерпеливое выражение у людей вроде Роберта. Они ждали опущенного века, моргания, расширения зрачков, чего-то такого, чего-то почти незаметного. Роберт хотел знать, что волнует людей, будто эта информация была маленькой опорой на отвесной скале, за которую можно было бы ухватиться. Поработать над ней, расширить, превратить в выступ, где можно расположиться и начать нашептывать. Продолжать, пока тонкая струйка доверия и дружеских отношений не превратится в лавину. А потом оппонент вдруг оказывался на крючке. Отец пользовался в работе над стариком грубыми методами, хотя подозревал, что тот может применить против него более тонкие средства. *Если он ему позволит.* Но это была не шахматная игра, не какие-то там переговоры, потому что такие вещи не принесли бы миру ничего хорошего. Не было никакого соглашения в нужный момент, оставались лишь личная выгода и силы, необходимые для ее получения.

Отец перешел к заключительному заявлению и вынесению приговора. Тон его голоса стал жестче, хотя он продолжал говорить тихо.

– Не будет никаких объяснений и оправданий. Никакой болтовни. Суд над тобой состоялся давным-давно. Мы никогда не будем подписывать обязательства, Роберт. Если ты

скажешь хоть одно слово, которое, как мне покажется, будет отдалять нас от той очень специфической информации, ради которой я пришел сюда, то я залью тебя из баллончика, как тлю, и оставлю у тебя во рту этот черный резиновый мячик. В твоём возрасте три дозы могут вызвать у тебя остановку сердца. Так как насчет того, чтобы не испытывать судьбу и найти в себе силы сказать правду? А теперь, вот что мне известно. Ты – владелец агентства, предоставлявшего персонал для детских интернатов. Ты обеспечивал сиделками три таких дома. Но еще ты нанимал своих приятелей, с которыми разделял схожие интересы.

– Это старая история, – произнес Роберт, аристократически растягивая слова. Лицо у него посерело, кожа вокруг рта покрылась морщинками. Слезающиеся, полуприкрытые веками глаза смотрели вдоль длинного носа на Отца, который, словно черт из табакерки, вскочил с места, чтобы схватить газовый баллончик.

Роберт вздрогнул.

– Простите, – лишь произнес он.

Отец медленно вернулся на свое место и успокоился.

– Ты всегда был зачинщиком. Курировал все. Знал обо всем, что делала твоя группа. Двое твоих партнеров исчезли в Таиланде за пару лет до 2051 года – года, который очень важен для сегодняшней встречи. Третий, Билли Ферроу, был убит в тюрьме в 2050-м. Таким образом, никто из твоего внутреннего круга не был доступен для меня и не мог быть

причастен к похищению, которое я расследую. Но, возможно, в этом районе у тебя были партнеры, которые что-то знали о том похищении в 51-м. Не скажу, что подозреваю тебя в этом преступлении, Роберт, но ты просто той же породы, что и те, кто мог его совершить.

Отец откашлялся.

– Соцработники заявили на тебя в полицию в 2046-м. В соответствии с 47-й статьей Закона о детях от 1989 года местные власти обязаны провести расследование в отношении любого ребенка, подвергающегося опасности или жестокому обращению. В Плимуте соцработник потребовал провести расследование во всех трех интернатах, с которыми ты был тесно связан. На самом деле он считал, что вы, по сути, управляли этими домами вместе со своими приятелями.

Вы не признали себя виновным в семидесяти двух случаях изготовления снимков неприличного содержания с детьми в возрасте от трех до шести лет. К этим обвинениям также были добавлены семнадцать случаев непристойных действий в отношении детей. Тогда, возможно, ты поймешь, почему твои заявления по поводу больной жены и неповторения преступлений не выдерживают никакой критики. Ты был приговорен к семи годам тюремного заключения. Приговор был сокращен до двух лет из-за хронической перенаселенности тюрьмы после беспорядков в Бристоле, и в следующем году тебя освободили. Ты вернулся домой, и могу лишь предположить, что продолжил жить по-старому.

В основном твоими жертвами были дети из интернатов, но ты регулярно прогуливался возле еще работающих береговых аттракционов – об этом говорит твой фотоархив. Ты старел, но во время похищений 2051 года был, вероятно, еще вполне дееспособен. Статистика показывает, что ты, по крайней мере, был в курсе событий.

После 2048-го полиция потеряла тебя из виду. Это значит, что в 2051-м они уже не присматривали за тобой. После твоего ареста прошло несколько лет, и здесь все изменилось, не так ли? Греки, испанцы, а также африканцы, добравшиеся до Европы, высаживались на побережье и штурмовали порты и туннели. Три миллиона человек направились на юго-запад, поскольку это была все еще наименее населенная часть Англии. Поэтому к 2051-му году уже ни у кого не было времени искать одну маленькую девочку. И ты, должно быть, потирал свои ручонки, Роберт.

Но в 2051-м – а этот год я никогда не забуду – местная полицейская группа по защите детей состояла из двух человек. В прошлом году один из них покончил с собой. Из-за депрессии. Другой больше не работает. Они делали, что могли, но результатов расследования по этому делу и по множеству других сексуальных преступлений, совершенных в этой стране, на данный момент кот наплакал. Теперь в этой группе лишь один штатный сотрудник. Ты знал это? А социальные работники тонут в потоке больных, недоедающих и травмированных детей, размещенных во временных жилищах и

поселениях беженцев вдоль всего побережья. Уверен, ты понимаешь, к чему я это все и почему я здесь. Существуют другие способы искать пропавших детей, Роберт, и я – один из них.

Ноздри у Роберта затрепетали, то ли от подавленной злобы, то ли от унижения.

– Народный ополченец, да?

– Ты не только являешься классическим рецидивистом, ты предпочитаешь жертв женского пола. Причем, в возрасте от трех до шести – и это еще одна причина, почему я сегодня здесь. Вилить бесполезно. Поэтому я хочу, чтобы ты внимательно посмотрел на эту фотографию и ответил на мои вопросы. Хорошо?

– Ты самоуправец. С тобой разберутся.

– Очисти разум, Роберт. Сконцентрируйся. – Затем Отец перевернул фотографию и поднес к лицу Роберта.

Внезапно сменив тон, Роберт попросил очки для чтения, чем напомнил Отцу эксперта, готовящегося осмотреть образец из своей области знаний.

Отец стянул лодыжки Роберта второй парой наручников, проверил пространство вокруг его кресла, положил газовый баллончик обратно в рюкзак, затем сходил в главную спальню и забрал со стола очки. Он не был уверен, что они нужны Роберту. Когда он вернулся в гостиную, старик разглядывал фото на кофейном столике, даже не прищурившись. Даже после того, что тут произошло, он по-прежнему считал Отца

за идиота.

– Я узнаю ее, – сказал Роберт, глядя Отцу прямо в глаза. Тот расставил ноги чуть шире, боясь потерять равновесие. Кровь ударила в голову. От шока, надежды, страха и эйфории перед глазами поплыло, комната стала бесцветной. Но Роберт ждал и не спешил с необдуманными высказываниями. Он тянул этот мучительный момент, и Отец больше не хотел бить его. Хотел просить и умолять его об еще одной фразе, имени, дате или месте. И Роберт понимал это.

– Я помню сюжет в новостях. Ее забрали из палисадника?

Отец лишь кивнул, поскольку не знал, что сказать. Это был умный ход. Роберт уже создал дистанцию: он вполне убедительно намекал, что не помнит подробностей похищения. Хотя такой случай, произошедший в его городе, этот человек помнил бы до мельчайших деталей.

Или Роберт говорил правду? Отец не мог знать это наверняка. Как и психиатры, полицейские детективы, комиссии по УДО или какие-нибудь мозговеды. Он давно пришел к выводу, что все действия являются лишь симптомами личности. Они появляются и исчезают, как кольца дыма в алых дверных проемах. Сгущаются, а затем рассеиваются. Самодержец, живущий в глубинах, никогда никому не появлялся на глаза. Он лежал в первобытной недостижимой черноте и посылал оттуда сигналы. Никто не видел его лица. Наш правитель был уникален и неопишуем.

Подавленный из-за осознания того, что этим утром он, ве-

роятно, уже не получит великого откровения, Отец усилием воли выстроил новый ход мыслей.

– Я сейчас на грани того, чтобы залить тебя газом вместе с твоим гребаным креслом, Роберт. Поэтому тебе нужно придумать кое-что получше.

Старик сглотнул.

– Люди болтали...

Отец наклонился к нему, перед глазами заплесали точки.

– Где? В Интернете?

Роберт кивнул.

– Примерно в то время. Я больше ничего об этом не знаю, правда...

– Выкладывай.

– Люди болтали об этом, о том, кто мог... – Роберт сделал паузу, чтобы тщательно подобрать слова, – ...в этом участвовать. Общего мнения не было. По крайней мере, никто не упомянул ничего, что меня убедило бы.

– Но некоторые утверждали, что что-то знают?

– Ничего серьезного, одни лишь шуточки. Насчет того, что, ну, вы понимаете... Люди притворялись, что что-то знают. – Роберт сглотнул.

Должно быть, он заметил, как при слове «шуточки» у Отца налились кровью глаза. Возможно, увидел кричащие рты в каждом обращенном на него зрачке. А Отец в свою очередь почувствовал, как дом приподнялся на пару дюймов, а затем резко опустился вниз, не брякнув ни одной фарфоровой без-

делушкой на каминной полке. От гнева его сперва бросило в жар раскаленных углей, а затем в холод глубокого космоса. Одна рука нащупала еще один предмет, который он держал в рюкзаке – «последний аргумент».

– Возможно, это был кто-то, кого ты знал. – Роберт произнес это успокаивающим тоном, будто разговаривал с опасным и туповатым человеком.

– Я не знаком с такими мерзавцами.

– Наркоманы, они возьмут что угодно на продажу.

– Хватит уже цепляться своими когтями за соломинки. Давай вернемся к «шуточкам», Роберт. Что именно тебе и твоим партнерам показалось таким смешным в этом похищении?

– Не мне. Нет. Я просто сказал, что некоторые притворялись, наиболее болтливые элементы, что они знают... где она и с кем... Что-то в этом роде. – Старик прочистил горло. – Но, по-моему, в основном считали, что за похищением мог стоять какой-нибудь залетный авантюрист.

– И?

– Он переправил ее куда-нибудь. За границу. Возможно. Или... сделал что-нибудь очень плохое и замел следы.

Очень плохое. Те ужасные три часа после похищения ребенка, когда могло произойти нечто отвратительное, немыслимое – стали для Роберта и его дружков чем-то, над чем можно посмеяться в Интернете. Шатаясь, словно пугало, снятое с шеста, Отец пошевелил ногами.

Опухшие глаза Роберта смотрели на него умоляюще. Даже несмотря на жжение они сумели разглядеть в непрощенном госте перемену.

– Боюсь, я не могу помочь вам. Если б я знал что-нибудь, то вряд ли стал держать это в себе. Похищение... Я никогда не похитил бы чью-то... Я никогда... Что вы делаете?

Роберт принялся крутить головой из стороны в сторону, чтобы увидеть, зачем Отец зашел за кресло. Он даже попытался встать.

– Сядь, – скомандовал Отец каким-то не своим голосом.

Роберт остался сидеть.

– Мне больше нечего вам сказать. Имена. У меня есть имена людей, которые могут вам помочь. Тех, кто были здесь в то время. Тех, кто были заинтересованы...

Отец вышел из-за кресла и наклонился над кофейным столиком. Взял с него все оборудование Роберта и поставил на обеденный поднос. Воткнул чипы памяти в каждое устройство с соответствующим разъемом.

– Все. Все до единого, – сказал он. – Номера и адреса электронной почты. Твои пароли, имена пользователей, сайты, шифры, ссылки, места. Загружай их отовсюду, где ты хранишь свою грязь. Если имена не пробьются, да поможет тебе Господь, Роберт.

Роберт принялся печатать скованными руками, они двигались, как призрачные птицы без перьев, будто костлявые цапли скакали по экрану. Он то и дело нервно оглядывался

на стоящего за его правым плечом Отца, который следил за его деятельностью и за тем, чтобы он не отправил сообщение. С кончика носа у Роберта скатилась капля пота.

Но Роберт делал, что ему было велено. Смотрел своими красными, влажными глазами на светящиеся экраны, словно ученая крыса, используя перекрестные ссылки, составляя списки, делая примечания и сноски. Через десять минут он перестал печатать.

– Это все, – сказал он, в его голосе звучало напускное покаяние.

Отец собрал устройства, вынул чипы памяти и положил их в рюкзак. Роберт никогда не отдал бы Отцу всего, даже под страхом смерти. Он дал ему кое-что, возможно, информацию о людях, не способных на мщение. Еще на чипах будет несколько сайтов с визуальным содержимым, которое Отец никогда не решится посмотреть. Это все потребуется Скарлетт Йоханссон. Ее «партнеры» затем перелопатят материал в интересах всех остальных агентов под прикрытием.

На кухне Отец набрал в бутылку воды и, потягивая из нее, вернулся в гостиную. В доме становилось очень жарко. Жара проникала сквозь оставленное им открытым окно в кладовке, в конце коридора. Он подумал о своей машине и решил, что пора уходить.

Лицо у Роберта имело такое же несчастное выражение, как и те, которые можно было увидеть в окнах муниципальных интернатов.

– Она была твоей дочерью, – произнес он, в его голосе звучало нечто похожее на глубокое смирение и искреннее горе.

Отец прочистил горло.

– Твой дом наполнен воспоминаниями, Роберт. Я вижу это. Но позволь познакомить тебя с одним моим. Жила-была девочка, которую очень сильно любили... – Его голос сорвался.

– Не надо, пожалуйста, – сказал Роберт, будто Отец говорил что-то очень грубое.

– Ее похитили. Два года назад. Ее семья хотела ее вернуть... очень хотела. – Глаза у Отца защипало, к горлу подступил комок, мешающий говорить. Он стал рыться в рюкзаке, отходя все дальше за кресло, за пределы видимости старика.

Роберт повысил голос.

– Я не могу помочь вам. Думаете, я скрыл бы информацию об этом от властей?

– Думаю, да.

– Я знаю, что то, что я делал, было неправильно. Но все это в прошлом. Я завязал задолго до 2051 года.

Отец накинул на голову Роберта мешок и крепко затянул шнурок.

– О боже, нет. – Голос старика звучал, будто из колодца. Он снова попытался встать.

Отец сделал несколько шагов назад и выключил верхний

свет.

– Кто-нибудь где-нибудь очень обрадуется, что я делаю это. Это тебе за детей. – Отец выпустил дротик в морщинистую шею старика.

Лодыжки Роберта были связаны, но остальное тело метнулось вперед, снесло пластиковый обеденный поднос и жестко приземлилось на кофейный столик, хотя локти и чуть помешали падению. Старик забился в конвульсиях.

Наконец, когда первые спазмы стихли, он повернул голову, и сквозь мешок было видно контур носа и разинутого рта, хватющего воздух. Из мешка раздался приглушенный всхлип.

Отец достал «последний аргумент», пистолет, и приставил его к виску старика. Казалось, что это так легко – выполнить такое простое действие: просто слегка нажать на спусковой крючок, и все воспоминания о тех маленьких, бледных тельцах, испуганных лицах, покрасневших и заплаканных или застывших от шока и растерянности, навсегда исчезнут из головы этого человека. Еще одна смерть, конец человека, заслуживающего смерти больше, чем многие из тех, кому суждено умереть в эти дни. Этот самый человек с мешком на голове мог быть просто застрелен одним жарким утром в собственном доме. Отец верил, что теперь он действительно сможет сделать это. Но раньше, с другими, все было иначе. Убийство казалось ему чем-то из ряда вон выходящим. Но мы меняемся, – подумал он, мы меняемся, когда

стареем из-за горестного события, называющегося жизнью.

Убийство, казнь, в конце концов, вызовет расследование. Хотя нет, он не убьет Роберта Иста. И ему пришлось напомнить себе, что он – отец с разбитым сердцем, а не убийца.

И он не верил, что этот человек похитил его дочь, хотя осознание того, что тот трогал своими руками дочерей других мужчин, мешало убрать пистолет от головы старика.

– Если ты предупредишь своих дружков, если ты хоть словом обмолвишься с кем-либо о моем визите, я вернусь. И Бог мне свидетель, клянусь, я использую эту штуку. – Отец ткнул пистолетом Роберту в висок так сильно, что тот вскрикнул.

5

– Ты съездил?

– Да. Этим утром.

– Где ты сейчас?

– У себя в номере.

– Хорошо. Оставайся там.

– Как долго?

– Пока я не узнаю, заявил ли на тебя Роберт Ист.

После утреннего визита он пришел к выводу, что какая-то отделившаяся часть его разума наблюдала за его относительно легким уходом. Как он снимал наручники с бледных запястий и лодыжек Роберта Иста, как угрожал напоследок отмщением, как снимал мешок с корчащегося старика. Как

шел к машине сквозь теплый, пыльный, желтый воздух, потом медленно ехал через яркий солнечный свет, несущий фальшивые обещания счастья, прочь от Кокингтона в свое мрачное временное жилище, расположенное дальше по побережью, в Пейнтоне. Эта часть заставляла его следить за дорогой, подавляя подергивания, нервный тик и вздохи, грозящие перерасти в панику и раскаяние, пытаюсь успокоить его дрожащие из-за спада адреналина руки. Все эти реакции и деятельность тела и разума будто управлялись каким-то бесчувственным администратором. Возможно, одна половина его внутреннего парламента посылала теперь более сострадательные импульсы второй, заседавшей на задних скамьях его разума. А та могла лишь свистеть и издеваться, без какого-либо осуждения, пока *первое лицо* везли домой и укладывали в постель.

Постепенно Отец начинал чувствовать себя лучше. Он больше не испытывал обессиляющих болей, тревога не вызвала тошноту, как было в первые три визита. Он не был уже таким хрупким и робким. Не атлет, но уже более опытный любитель.

– Что ты получил?

– Все с его устройств. Как обычно, пароли, имена...

– Хорошо. Оставь это на стойке регистрации отеля. Сегодня кто-нибудь заберет. Он пострадал?

– Я использовал иммобилайзер, а также газ. Не думаю...

– Продолжай.

– Не думаю, что это он.

– Да, но, возможно, среди той информации, которую ты добыл, будет что-то – связь, зацепка, какая-нибудь маленькая деталь. Мы поищем. Сегодня ты потрудился на славу, но тебе еще потребуются силы. Мы делаем все, что можем.

– Знаю.

– И у меня есть кое-кто еще.

– Кто? Давайте я...

– Мне нужно уходить. Но я скоро позвоню и сообщу все детали.

– Имя? Как его зовут?

– Боулз. Маррей Боулз. – Скарлетт положила трубку.

Отец называл свой контакт Скарлетт Йоханссон, поскольку никогда не встречался с ней и знал лишь по голосу. Во время их первого разговора он сразу же обратил внимание на ее легкий американский акцент, который напомнил ему одну старую кинозвезду в молодости. И поскольку его помощница всегда называла себя «другом семьи», в первые дни их общения Отец поведал ей, кого ему напомнил ее голос. Женщина рассмеялась и сказала так ее и называть. С тех пор его контакт носил имя Скарлетт Йоханссон.

За последний год с Отцом почти никто не связывался; даже коллеги, с которыми он тесно работал пятнадцать лет, даже его старые университетские друзья. Всякий раз, когда кто-то звонил ему с незнакомого номера, Отец хватал трубку в надежде, что это Скарлетт. Она связывалась с ним че-

рез аккаунты, которые сама отправляла. И которые, вместе с идентификаторами, постоянно меняла.

Кем она была? Он не знал, но подозревал, что Скарлетт работала в полиции, возможно, в группе по защите детей из какого-нибудь юго-западного графства. Он знал, что за каждым полицейским подразделением в стране закреплена такая группа, но они редко насчитывали больше двух человек. Иногда в них работал либо один мужчина, либо одна женщина.

Возможно, у Скарлетт Йоханссон были помощники, и ее выбрали контактировать с некоторыми родителями, потерявшими своих детей. Возможно, ей сообщили, что он – человек, подходящий для сотрудничества, поскольку однажды попал под арест за нападение на отсидевшего сексуального преступника, отвергшего попытку вступить в переговоры и просьбу поделиться информацией насчет его дочери. Этого типа даже не было в той части страны, где похитили его дочь. Но Отец должен был что-то сделать, и равнодушие преступника показалось ему неуместным. Потребовалось вмешательство четырех человек, чтобы оттащить его и прижать к стене, пока на велосипеде не подоспел вспомогательный сотрудник полиции.

Были выдвинуты обвинения, но, с учетом принятых во внимание обстоятельств, Отец отделался предупреждением. Скарлетт Йоханссон узнала об инциденте и о тяге Отца к действиям. Должно быть, где-то провели неофициальную бе-

седу, на которой обсудили его пригодность к деликатным делам. Если между фракциями, облеченными властью, и проходили какие-то дискуссии, то ему о них не сообщалось, как и об оценках, которые давались во время закрытых процессов, в которых участвовала Скарлетт Йоханссон.

Помощники, видимо, были политически мотивированы и работали в сговоре с националистами, которые долгое время являлись самым популярным политическим движением в стране. Так думала его жена. Миранда считала, что его используют для преследования преступных элементов в определенных районах страны. Она боялась, что его также могут попросить устранить их. Подобные нелегальные стратегии не были чем-то необычным. Хотя вполне возможно, что эти офицеры полиции были просто хорошими людьми, которые помогали Отцу найти похищенную дочь, поскольку больше не могли ничего исправить. Возможно, существовало великое множество Скарлетт Йоханссон, предлагавших родителям передышку от мучительных ожиданий новостей, томительного молчания, отдаляющего их все дальше и дальше от того момента, когда их мир был разорван событиями, никак не связанными с аномальной жарой или грозами. Отец надеялся на это, хотя ему было все равно, откуда взялась информация. Он не знал, как это все работает, а просто нуждался в помощи.

В один из тех дней, превратившихся в сплошное пятно из бессонницы, истощения, горя и страха, Скарлетт Йоханссон

позвонила ему. На тот момент его ребенок отсутствовал уже двадцать месяцев, одну неделю и два дня.

С тех пор Скарлетт Йоханссон звонила ему много раз. Несмотря на то что она обычно говорила быстро, словно боялась общаться с ним, Отец то и дело переспрашивал ее. Он старался не делать ошибок, когда записывал информацию, поскольку слишком многое было уже упущено или полностью проигнорировано. И он фиксировал все детали о тех людях, которых не заботили или не могли заботить другие. Эта внимательность очень помогла ему в ходе четырех визитов. И он по-прежнему не доверял очевидному раскаянию, которое наблюдал у допрашиваемых. Как и не верил, что люди, которых он выслеживал, смогут измениться в лучшую сторону. Эта уверенность облегчала его работу с ними.

6

Через неделю после визита к Роберту Исту страстное желание выпить чего-нибудь крепкого выманило Отца из гостиничного номера, и он отправился в центр Пейнтон, чтобы купить бутылку уэльского рома. Он сидел под замком, питался одним хлебом, искусственным сыром и натуральными фруктами, в ожидании, когда Скарлетт Йоханссон позвонит и даст отбой.

Несмотря на то что ассортимент в магазинах сильно сократился, алкоголь из магазинов и супермаркетов никуда

не исчезал. Никто, облеченный хоть какой-либо властью, не осмелился бы изъять спиртное из продажи. Иногда любители вина становились жертвами ограбления, но их потери мало кого волновали.

В круглосуточном супермаркете ром стоил недешево и ставился на верхние полки, защищенные сеткой. Со средствами у Отца было туго, и это не был какой-то особый случай, но ему требовалось выпить. И пил он не чтобы забыть, а чтобы помнить, чтобы получить доступ к откровениям, проистекающим из его незаконных деяний.

Когда-то, три десятилетия назад, супермаркет служил отелем для туристов. И в нем был небольшой бассейн и танцевальный зал. На стене автостоянки, словно безвкусное граффити, все еще висела вывеска с рекламой спутникового телевидения и джакузи.

Два верхних этажа здания и большинство объектов недвижимости в том, что раньше было действующим городским центром, были поделены на сектора и присвоены местным правительством. А теперь превратились в бурлящее гетто, граничащее с жилищами обеспокоенных семей, самолично обеспечивающих безопасность собственных кварталов в окрестностях Престона, Гудрингтона, Черстона и Гэлмптона. На первом этаже бывшего отеля теперь располагалась аптека для алкоголиков и стариков, не способных мигрировать, словно редкие виды бабочек; тех, у кого не было другого выбора, кроме как трепетать в своей бесцветной, токсичной

среде обитания в городском центре, за огромной бетонной стеной эспланады.

Каждое выходящее на юг окно верхних этажей было закрыто от солнца жалюзи, шторами, покрывалами, одеялами, выцветшими спальными мешками и листами полиэтилена, создавая жаркую, темную, непригодную для дыхания атмосферу, смердящую канализацией, отбеливателем, табаком, сгоревшим маслом и потом.

С бутылкой в руке Отец вернулся к машине, открыл дверь, инстинктивно вертя головой, с притворным безразличием следя за лицами в окнах.

Но когда он попытался нырнуть в автомобиль, то увидел странную крупную фигуру, нарисованную на стене парковки. По пути в магазин он в основном глядел себе под ноги и каким-то образом не заметил это изображение. Но теперь оно привлекло его внимание.

Длинная, шагающая, словно охваченная решительной поспешностью, фигура была изображена так, будто направлялась через зацементированную стену к искореженным мусорным бакам. Предполагалось, что расположенное над липкой, подсохшей на уровне колена коркой мочи, это существо, словно призрак, проносится на своих тонких ногах через разнообразие каракулей, логотипов, лозунгов, безумной ахинеи и гангстерских меток. Любопытство заставило Отца остановиться и присмотреться более внимательно.

Изображение было выполнено умелой рукой. Отец не мог

понять истинные мотивы такого творения, хотя, возможно, посреди такого обезьяньего вандализма рисунок был создан с иронией.

Вероятно, здесь когда-то даже случился пожар. Возле стены взорвался автомобиль, и впоследствии на базе маслянистых опалин на закопченном цементе и было нарисовано это длинноногое существо, будто появившееся из сажи и клубов дыма, какой-то жуткой бездны или коксовой печи, дымящей под асфальтом.

На тощих конечностях, торчащих из складок, словно ветки, развевался рваный халат или плащ. Подобно лохмотьям ткани на сломанной раме воздушного змея, взмывающего ввысь и трепещущего на сильном ветру. Во всем рисунке чувствовалась плавная подвижность: непринужденное порхание или балетный прыжок грациозного мертвеца. В размашистости шага было что-то кошачье.

С подола одежды и больших круглых рукавов отлетали пепельно-серые фрагменты, превращаясь в шлейф из более мелких частиц или взвесь черной угольной пыли. С костлявых рук тоже сыпались камешки или семена, как через сито, просеивались через кости запястий и опадали на замусоренную землю.

Отец обошел вокруг машины для лучшего обзора, но вскоре отпрянул при виде бесплотных ног, обутых в некое подобие сандалий.

Но в этом граффити было что-то и столь же красивое,

сколь и ужасное. Выпачканный сажей и перенаселенный город вокруг почерневшей стены казался каким-то ничтожным, будто этот уродливый мир был осмеян этой фигурой или полностью лишен... какого-либо смысла.

Ночью в этом районе не было уличного освещения, поэтому очень сомнительно, что фигуру нарисовали тогда. Также казалось маловероятным, чтобы днем художнику здесь дали бы спокойно работать над таким изображением. Ни один городской совет не одобрил бы подобное. Отцу хотелось знать, почему здесь этот рисунок и что он означает, поскольку для кого-то он все-таки был не безразличен. Его желание понять обрело странную настойчивость.

Никто не попытался украсить фигуру членом, сиськами или зубастой улыбкой. Она просто маячила у всех на виду. Да и кто стал бы портить ее, разгляди он фрагмент головы в капюшоне? Белки глаз светились страданием или даже экстазом, а может комбинацией того и другого. Сидящие в глубоких глазницах глаза, казалось, смотрели вверх или внутрь, и в их выражении было что-то болезненно религиозное или трагическое. Отец давно уже не мыслил такими терминами, и с того дня, как похитили его маленькую дочь, не попадал под влияние какого-либо художественного произведения. Он вспомнил о других временах, и внезапное ощущение лучших дней вызвало у него легкую дезориентацию.

Теперь, когда он посмотрел более внимательно на то, что было лицом, оно показалось ему туго обтянутым кожей – или

это была маска, — черты вытянулись или осунулись, словно от вида эпических мук. Одно лицо на всех. Закрыть рот уже не было сил, поэтому он зиял, словно моля о пощаде, о кусочке еды или капле воды. Фигура, казалось, была выше всего этого, и все же неслась еще дальше в... Отец не знал, куда именно.

Вокруг ее уродливых ног умелой рукой было написано: *Usque ad mortem*.⁴ Латынь. Что-то на мертвом языке. Отец не понимал, что это значит, хотя рисунок напоминал ему то небольшое, что ему было известно о средневековом искусстве, восхвалявшем смерть в старых церквях. И он ненадолго представил, что это — знак, метафора, что все имеет свой конец. И мы, и мир. Он представил, что это — истинное послание фигуры. Давайте все мы сядем, изнуренные, и умрем в наших неосвященных домах.

Отец забрался в машину дрожа, хотя и не зная, от чего именно. Теперь он жалел, что посмотрел на стену.

Это был первый раз, когда он увидел фигуру. Первый, но не последний.

7

Тяжелая голова, размякшие кости. Он был без рубашки и все же весь скользкий от пота. С него буквально лилось.

⁴ До самой смерти (лат.).

Мысли о предстоящем визите к Маррею Боулзу не давали Отцу покоя. Силы покидали его, будто через неведомое сливное отверстие. Ему приходилось неоднократно ходить в ванную пить воду.

От этих перемещений он чувствовал себя еще слабее. В тот день было тридцать семь градусов, а ночью лишь чуть прохладнее. В Кенте – пекло: сорок один градус, даже выше, чем прогнозировалось. На следующий день в Девоне будет под сорок. В течение трех месяцев самая низкая зафиксированная температура была тридцать четыре градуса. Куда ни сунься, везде жарко.

Из-за дешевизны кондиционер в номере не ставили. Он потреблял слишком много электроэнергии, и та слишком дорого стоила для дышащей на ладан сети отелей. Поэтому Отец сэкономил силы, как район сэкономил воду и электричество. Пока не достроят три новых атомных электростанции, весь юго-запад будет потеть и проводить больше времени в темноте. Как поговаривали местные, они получают поздно всё – кроме беженцев. Люди должны были уже привыкнуть к задержкам и отключениям электричества, но продолжали внимательно следить за ходом строительства, как если бы готовность реакторов можно было достигнуть одной лишь силой желания. Они уже знали, что надолго электричество не отключают. Не только темнота вызывала у них страх, но и то, что она делает с другими людьми, и с ними тоже.

Весь вечер Отец как одержимый проверял счетчик воды

в ванной, наполняя банки из крана с холодной водой. В полночь он принял еще один *холодный* душ, поставив таймер на одну минуту. Выйдя из душа, не стал вытираться. Лег на кровать, подложив под себя полотенце. Единственное в номере окно было открыто, на улице стояла тишина. Ни ветерка. Свет Отец не включал – так казалось, что в номере прохладнее. Он чувствовал запах моря.

Чтобы отвлечься от дурных мыслей и жары, Отец стал искать местные новости. Нашел национальные. Все доступные каналы переключились с лихорадки реки Габон, которая бушевала на кораблях с беженцами, дрейфующих у побережья Италии, и нового гонконгского вируса на главную летнюю тему: лесные пожары. В темноте номера замерцали кадры с пожарами в Испании, Португалии и Франции, снятые с максимально возможного расстояния, а также с воздуха – над Средиземноморьем черным облаком висел дым. Бегущие в нижней части экрана субтитры сообщали зрителям, что без вести пропало еще несколько пожарных, только в Испании – уже пятьдесят человек.

Отец переключился на другой канал, затем на следующий, но везде мелькали одни и те же кадры, отбрасывающие свет на темные стены и потолок. На огромном складе с серыми стенами лежали длинные ряды черных резиновых мешков. Между ними ходили люди в масках, словно ученые, ждущие, что из этих темных коконов появятся бабочки. Судя по титрам, это происходило в Париже.

Тем летом один эксперт назвал тепловой удар «климатическим холокостом». Как и все плохое, фразу быстро подхватили. Когда две недели назад Отец возвращался в Девон, он проезжал ночью мимо рефрижераторов, везущих по трассе М5 груз из торбейской больницы в импровизированные морги под Тонтоном. Для этих целей теперь использовались здания аэропорта. Очень многие приезжали на побережье, чтобы уйти на покой, но уходили из жизни раньше, чем ожидали. После трех месяцев такой жары интернаты почти опустели – по крайней мере, психиатрические лечебницы, испытывающие финансовые трудности. В лагерях беженцев кондиционеры тоже отсутствовали, и жара там косила пожилых.

Так было уже каждое второе лето.

Отец давно понял, что нет ничего хуже старости. Но все же он хотел стареть и хотел, чтобы, когда придет его время, дочь была рядом и держала его на руках, как ребенка.

Отец включил звук.

В сообщениях упоминалось количество погибших по всей Европе – триста тысяч человек. И это число росло вместе с ртутной полоской градусника. Старики, беженцы, бездомные. Все как обычно. Летние рекорды двадцать девятого и тридцать третьего года были побиты. Теперь число жертв приближалось к уровню сорок седьмого. Европейское лето поставило перед собой новую задачу: как долго оно сможет душить людей и сколько жизней сможет унести.

За три месяца жары и засухи потери урожая оценивались

в тридцать два миллиарда евро. Выбросы углерода в атмосферу снова подскочили, вызвав стресс растительности. Растения выбрасывали то, что должны были впитывать. Каждое второе лето затягивалась, мешая дышать, еще одна петля. Иногда, когда Отец испытывал трудности с дыханием, ему казалось, что он чувствует, как засохшие, истощенные деревья выпускают свои последние газы, как будто это был их предсмертный вздох.

Дальше последовали кадры речных русел. От них он почувствовал себя еще хуже, чем от вида огня, ревущего в кронах деревьев. Бурые ручейки в потрескавшейся грязи: Рейн, По, Луара. Количество осадков сократилось на десять процентов, а в истощенных озерах цвели ядовитые водоросли. Отец попытался представить, как выглядят эти водоросли, но не нашел в себе сил. Людям было велено не пить воду из таких озер и не искать в них спасение от жары.

Белый дым над лесом в Германии. *Теперь и там тоже.* Под клубами дыма тлели красные угли. Деревья напомнили Отцу высоких, худых людей, от паники утративших способность двигаться. От этих кадров словно стало еще труднее дышать, и Отцу показалось, что он снова чувствует запах дыма.

На юге Европы территория размером с Данию уже превратилась в золу и угли. Люди благодарили Бога за отсутствие сильного ветра. Небольшая милость. Пару лет назад в северной Испании лесной массив размером с Люксембург сгорел

и задушил дымом Барселону. Отец ненадолго задумался, на что эта подпалина может быть похожа через десять лет, к 2063 году. Черное пятно размером с Францию? Никто не вынес бы таких мыслей. Почти в любой беседе никто ничего не предполагал, не выносил оценок.

Далее последовали кадры оползня, снятые с воздуха. Горы в Швейцарии разрушались. Скорость таяния ледников также установила новые рекорды.

Когда новости переместились в Северную Африку, Отец переключил канал. Никто не смог бы смотреть на Африку и не представлять следующими в очереди себя. Он переключил еще два канала и подождал, когда после международных новостей начнут передавать местные.

Ранее в тот же день непрочное объединение британских националистов, «Движение», провело крупный митинг, за которым последовал вялый, изнуренный жарой марш по Торки. В тот день Отец слышал их издали: бой барабанов, приглушенное скандирование, странное дребезжащее бормотание в микрофон.

На следующий день «Движение» планировало пройти по Пейнтону. При всей решимости из-за такой жары их ход может и замедлиться. Хотя в том районе и будет больше народа, чем обычно, и вдоль побережья вокруг лагерей беженцев станут собираться доступные полицейские силы, потея и теряя вместе с потом драгоценную жидкость.

Жара не выпускала людей из домов. И это хорошо, по-

сколько тот, кому Отец готовился нанести визит, наверняка, как и Роберт Ист, будет дома. Пойдет он очень рано, когда будет чуть прохладнее.

Отец выключил телевизор и посмотрел на открытое окно: черный квадрат жаркой ночи. В качестве меры предосторожности опустил жалюзи. Незванный гость заденет их, и шум разбудит его.

Мысли стали тягучими. Бутылка рома была пуста. Он не собирался выпивать ее за один присест. Раньше одной бутылки ему хватало на три вечера. Полусонный, пьяный, бросаемый то в жар, то в холод, Отец больше грезил, чем думал. Он все ждал и ждал, когда позвонит Скарлетт.

В восемь утра она, наконец, вышла на связь. Отцу казалось, что он отрубался ночью лишь на пару минут, но потом он увидел, что из-под жалюзи пробиваются яркие полосы света.

– У меня есть адрес, – сказала она. – Ты готов?

8

Отец посмотрел сквозь лобовое стекло на небо. Слабые проблески рассвета казались все более заметными. Вскоре небо станет безжалостно ясным, отчего придется щурить глаза.

Если жара не спадет, все сойдут с ума. А может, уже сошли, не осознавая этого – а не только бормочущие или шле-

пающие себя по голове, буйные или тихие, которых было в избытке. Хотя возможно, что те, кто по-прежнему неспешно занимались домашней рутинной либо безрассудно отдавались так называемой войне против климата, были неспособны полностью помнить, какой была жизнь прежде. Прежде – это когда? Когда она не была такой, как сейчас. Но когда именно? Отец часто задавался вопросом, повезло ли тем, кто не знал другой жизни.

Прошло еще пять минут, а он все еще сидел в машине, медленно потев и потягивая воду из бутылки. По местным СМИ непрерывно повторялась официальная информация о тепловом ударе. Он знал эти медицинские советы наизусть, как старую песню. Симптомы, на которые следует обратить внимание: учащенное дыхание и пульс, сопровождаемые сухостью кожи, тошнотой, головокружением и раздражительностью. Оставаться дома, не двигаться в самую жаркую часть дня, пользоваться холодными компрессами, держаться в тени, пить воду. *Оставаться дома, сидеть и пить.*

С июня в отделении интенсивной терапии не было мест, так что удачи тем, кто вызовет скорую. От теплового удара можно было легко впасть в кому. И сегодняшний визит мог оказаться довольно бурным, как бывает при бегстве или похищении. Если возникнет заминка или потасовка, придется периодически проверять кожу, не высохла ли, следить за потоотделением.

Отец снова переключил внимание на дом через дорогу.

Последний раз, когда он видел свою цель, Маррея Боулза, тот возвращался с двумя матерчатыми сумками, набитыми коробками с едой. И этому типу удалось сохранить лишний вес, так что он ел не только соевые продукты, фрукты и овощи. Он наверняка дополнял свой рацион сладостями с черного рынка, а они были недешевыми.

Боулз не работал, но жил один в террасном доме с тремя спальнями, который, судя по внешнему виду, скоро мог быть признан непригодным для проживания. Отцу было непонятно, как при том безумии, которое творилось во время переселения из затопленного Ливерпуля и Восточного Лондона в графство, уже страдающее от наплыва беженцев из Южной Европы и Африки, судимый за сексуальные преступления переселенец стал единственным владельцем дома с тремя спальнями – пусть даже и в таком плохом состоянии. Подобные привилегии ему не полагались. У Боулза были *друзья*.

Выходившие на улицу эркерные окна на всех этажах были постоянно закрыты шторами. На подоконниках за стеклом виднелся мусор – пластиковые бутылки, фаянсовая посуда, скомканная одежда, круглое зеркало. Мансарда была превращена в еще один этаж. Ее окна тоже были закрыты жалюзи.

За все три дня, пока Отец, сидя в машине через дорогу, следил за домом, никто кроме Боулза не входил и не выходил из него. И всякий раз, когда Отец видел Боулза, тот был

в одной и той же рубашке. Он походил на великана-людоеда из сказки, на стереотипного детского монстра. Отец обнаружил, что в этом они все были схожи. Большой череп обрамляли длинные немытые волосы. Сальные пряди свисали на широкий лоб и на торчащий колом воротник, когда Боулз не заправлял их за уши. Он выглядел сутулым, из-за того что постоянно ходил с опущенной головой, уткнувшись подбородком в грудь, будто был безобидным, застенчивым здоровяком. Кротким и стыдливым, в рубашке с воротником, с выпирающим из-под нее пузом и складками жира на бедрах. Торчащие из шорт бледные ноги напоминали толстые волосатые бревна.

Легко было представить, что внешне он мягкий и скользкий, но Отец чувствовал, что в этом крупном теле есть жесткий стержень. Рыхлые плечи и руки скрывали опасную силу. У этого типа могла быть крепкая хватка. Чем дольше Отец следил за ним, тем сильнее ощущал его физически, и они неумолимо становились все ближе друг к другу. Он так явно представлял себе фактуру, вес и плотность этого тела, что ему начало казаться, что он ни за что не управится с этой грудой влажного мяса.

Боулз всегда закрывал входную дверь, не оглядываясь через плечо, словно окружающее его не заботило. Когда он выходил на свои короткие прогулки, его маленькие глазки были полузакрыты.

По вечерам свет в коридоре не горел. Отцу нужен был

свет. Возможно, мысль оказаться в тесном, темном пространстве с Боулзом наедине пугала его больше, чем вид грузной фигуры. И пока он ждал, его воображение без особого труда превращало здоровяка в противника, обладающего подвижностью и зрячестью крысы, прекрасно осведомленного о слежке за ним и просто поджидающего Отца в знакомой для себя темноте. Что-то в этом визите Отцу совсем не нравилось. Нервозность лишь усилилась, когда Скарлетт позвонила и предупредила, что «подозреваемого нельзя недооценивать». Будучи садистом, Боулз, очевидно, любил кровь и чувствовал себя настоящим хозяином Вселенной.

Ранние пятничные часы были бы идеальным временем для визита, но в субботу утром Отец по-прежнему торчал на улице и следил. Планы постоянно менялись. Он потратил на разведку больше времени, чем обычно. Длительные приготовления не подтвердили его цель, а сделали ее лишь еще более размытой. Его сдерживала не только жара.

Небо стало коварного бледно-голубого цвета, обещая прохладу, которая никогда не наступит. Затем бледность будет только усиливаться, пока этот купол из полированной стали не начнет жечь незащищенные глаза. При дневном свете он не сможет здесь находиться. Полумрак продержится меньше часа. Отец вытер предплечьем пот с лица, завел машину и поехал к выбранному для парковки месту на соседней улице. Он войдет через задний сад.

Дом сзади закрывали ели, но он проникнет через забор,

оторвав от бетонного столба две полусгнившие панели. В саду спрятаться негде. Даже без дневного света. Если кто-нибудь выглянет из задних окон, его сразу же заметят.

Ему придется двигаться медленно, потому что задний двор являлся настоящей полосой препятствий, устроенной теми, кого не волнует красивый вид. Запах высохшей травы у сломанного забора омрачил его мысли и застопорил выработанную им стратегию, сделав ее еще менее ясной и менее убедительной, после чего его план полностью развалился. Отец устал, он уже несколько месяцев плохо спал, слишком много думал, но так ни к чему и не пришел. Его голова не годилась для сегодняшней работы. Но приведет ли он ее когда-либо снова в порядок?

Дом справа занимали какие-то старики. Их сад отличался аккуратными рядами зерновых культур, растущих вдоль дорожек из белого камня. Дом слева делили две семьи. В начале недели Отец насчитал пять детей и задался вопросом, знают ли родители, кто живет по соседству. Он подумал о ребяташках, играющих возле ветхого соседского дома, и содрогнулся от внезапно охватившего его безумного желания нанести стремительный визит с пистолетом наголо, отказавшись на этот раз от нервно-паралитического газа и полицейского иммобилайзера.

Со слов Скарлетт, в начале сороковых Маррей Боулз уже отбыл трехлетний срок за физическое и сексуальное насилие над детьми, а затем в 2046-м предстал перед судом по

двадцати новым обвинениям в развратных действиях и изнасилованиях малолетних. Последний случай носил садистский характер, при этом Боулз отсидел не больше трех лет. В 2049-м он освободился и поселился на побережье в Маргейте. В 2050-м перебрался на запад, в Торбей.

В конце тридцатых годов Маррей Боулз подозревался в связях в Кеном «Сантой» Барретом, педофилом и одним из последних детоубийц, для которого люди требовали смертного приговора, пока их внимание не отвлекли рекордные ливни, европейские ураганы, наводнения и повышение уровня моря. В Ноттингеме, во время садомазохистского ритуала, группа «Санты» Баррета убила двух братьев, находящихся под опекой. Ходили слухи, что эта шайка погубила гораздо больше детей. Пятеро из двадцати мальчиков и девочек, подвергшихся насилию со стороны тайной группы «Санты», так и не были найдены.

В 2043-м «Санта» Баррет был убит в тюрьме заключенными. Никто из сообщников Баррета, кроме Маррея Боулза, так и не был отслежен, а связь Боулза с убийствами не была доказана из-за отсутствия улик.

Отец понимал, почему Скарлетт предоставила ему Маррея Боулза. В основном тот, как и его хозяин, промышлял в интернатах Восточного Мидленда, и они часто перевозили своих жертв на съемные квартиры. Двое детей пробыли в плену больше года, и Маррей Боулз прибыл в Торки за год до похищения его дочери.

Возможно, за рулем был и не Боулз, но он мог входить в группу. С момента его освобождения из тюрьмы инспекторы по надзору присматривали за ним раз в месяц по полчаса, но с 2049-го он не навлек на себя подозрений. Согласно статистическим данным и старым уголовным делам, в периоды затишья у таких хищников, как Боулз, это мало что значило. Теперь все преступники оказались в основном вне поля зрения; у полиции и социальных служб появились более важные приоритеты.

Его беспокоило то, что ему не рассказали о Боулзе раньше. Грызла мысль о том, что те четверо, которым он нанес визит, были всего лишь разминкой и что его тайно проверяли и натаскивали в преддверии этого жаркого утра у дома очередного незнакомца. Как и подозревала его жена, возможно, на его шее затягивалась петля «ополченческого» скандала, раздутого фракциями, облеченными властью и связанными с военизированными формированиями. Видит Бог, что у него есть причина здесь находиться, но он не хотел, чтобы его использовали для обычного организованного преследования или очередной педофильской отбраковки. Он не хотел заниматься чем-то, не связанным напрямую с поиском тех, кто похитил его дочь.

По пути на задний двор Отец миновал пластиковую бочку с водой, покореженный сарай, промокавший и высыхавший бесчисленное количество раз. Шпалера отвалилась от крашеной цементной стены. Из-за тянущихся к воде сорня-

ков и корней деревьев терраса стала неровной, как палуба корабля, напоровшегося на черные скалы. Отец перешагнул через раковину, чьи трубы уходили в никуда, и обошел позеленевшие мешки с отходами. У кухонной двери в нос ему ударил запах канализации. Лишь одно окно второго этажа было незашторено.

Отец нашел в рюкзаке подходящий инструмент и, вставив его в щель между рамой и замком, принялся возиться с дверью. За основной обнаружилась вторая, застекленная, но дешевая. Все стекло было в пузырьках и мутных пятнах.

Вскоре он проник на кухню, газовый баллончик в одной руке, фонарик – в другой, и остановился в помещении, длинном и узком, как камбуз на пароме. На сушилке, в раковине и на кухонном столе громоздились горы разномастной посуды. Из упаковок соевой еды была построена шаткая башня. Отец чувствовал запах газа и сырой древесины. За открытой дверью в дальнем конце коридора царила безмолвная темнота.

Сквозь протертый насквозь ковер проглядывали деревянные доски пола. На стенах, усыпанных древними, торчащими словно личинки дюбелями, не было никаких украшений. Интерьер десятилетиями не видел краски или новых обоев.

Гостиная была заставлена коробками, ящиками и грудями хлама, наваленными на темную мебель. На окнах столовой, выходящих в сад, висели шторы горчичного цвета. На полу – облезлый красный линолеум, стены светлые, но грязные. Кто-то разбил молотком кирпичный камин, однако об-

ломки оставил на полу, будто работа была остановлена из-за нехватки сил и осознания тщетности намерений.

Поднимаясь по узкой лестнице, Отец чувствовал, как перила шевелятся у него под рукой, а в темном и теплом воздухе над ступенями висит сальный запах. На площадке второго этажа было все то же самое, а запах стал еще сильнее, будто какое-то животное спряталось в доме от жары и надыхало в темноте.

На втором этаже было четыре двери болезненно-ванильного цвета – и все закрыты. Отец решил, что за ними находятся три спальни и одна ванная. Панели матового стекла над каждой дверью наводили на мысль о том, какие ужасы, родившиеся в огромной лохматой голове Маррея Боулза, могут скрываться за ними. Отец представил себе призраков прежних жильцов: пожилая пара вышедших на пенсию работников уолсоллского местного совета с содроганием и ужасом наблюдала за беспощадным разрушением дома и переездом в него злодея.

На стене второго этажа, между двумя дверями, висела одинокая картина. Будто предупреждение о том, что обитало в соседних комнатах. Отец посветил на нее.

И отпрянул.

В центре холста на чистом черном фоне была изображена фигура: человеческий труп. Голый и ухмыляющийся, с ребрами, проглядывающими сквозь болезненно-зеленую кожу, и с впалым животом. Он вздымал вверх костлявые руки, в

которых держал что-то похожее на розовый фрукт.

Прищурившись, Отец подошел ближе. У серых грудей тощей как скелет фигуры висели сосущие их безжизненные младенцы. Еще три корчились, словно личинки, между ног мертвеца. Бледные и пухлые, похожие на жутких херувимов, младенцы смотрели вверх усталыми белыми глазами. Под ними, на маленьком свитке, было написано: *Nihil. Nemo.*⁵ Отцу они ни о чем не говорили. Снова латынь и неприятное напоминание о граффити в Пейнтоне; еще одна истощенная фигура, наводившая на мысль об упадке, возможно даже смерти с намеком на греховность. В темноте эта связь показала Отцу глубоко тревожной.

Испытывая тошноту и дезориентацию, Отец продолжал хмуро, с ужасом и недоумением, разглядывать картину. Вдруг где-то в темноте распахнулась и ударилась о стену дверь.

Он вздрогнул.

По расхлябанным половицам застучали тяжелые ноги. Темную пещеру заполнило лихорадочное дыхание, в котором чувствовалось животное возбуждение.

У тебя за спиной.

Отец развернулся, царапнув по потолку лучом фонарика.

Молния от разmozженных нервов пронзила плечо, и он повалился вперед с болтающейся как плеть рукой. В подушечки пальцев будто вонзились булавки и иглы. Фонарик

⁵ Ничто. Никто (лат.).

упал, подпрыгнул, покатился, осветив вскользь грязные парусиновые туфли и неряшливо забинтованную лодыжку. Боулз. Все поле зрения заполнили огромные топчущиеся ноги, пока Отец не отполз по грязному ковру в сторону.

Возле уха что-то просвистело, затем раздался глухой стук и посыпалась штукатурка, когда второй удар едва не настиг его голову. Воздух снова рассекло пополам, и длинное оружие взмыло вверх, стремясь обрушиться всем своим сокрушительным весом на его череп. При замахе назад взорвался светильник. Это и то обстоятельство, что оружие запуталось в электрическом проводе, помогло Отцу выиграть время.

Видел он мало, но по тому, что сумел зафиксировать его травмированный болью рассудок, он определил в зловонном пространстве местонахождение противника и заковылял в конец коридора, к окну, будто собираясь выпрыгнуть в него.

Позади застучали большущие ноги призрака, ярость которого, казалось, подпитывалась затрудненным дыханием раненого незнакомца, вторгшегося на его территорию. Отец услышал очередной свист воздуха, сопровождаемый кряхтением. Предмет пронесся в опасной близости от его позвоночника. Шоркнул по ягодицам и врезался в пятку ботинка.

С трудом сделав последние два шага к окну, обезумев от жгучей боли, охватившей плечо, а теперь еще и пятку, Отец упал на шторы. И тут же понял, что попал в ловушку. При мысли, что здесь ему переломают все кости, его словно окатило ледяной водой.

От грязной ткани пахло склепом. Далекий свет от обретенного фонарика мерцал по контуру темной грузной фигуры, стоящей в паре футов от него. Она казалась гигантской, достигающей потолка и с трудом помещающейся в тесном коридоре. Дубина великана-людоеда снова обрушилась вниз.

Отец резко присел, уткнувшись щиколотками в ягодицы.

Окно над головой у него со звоном разлетелось, жалкие шторы поглотили силу удара.

Отец поднялся с грязного пола, когда дубина вырвалась из пыльного препятствия и со свистом отлетела назад, изготовившись к очередному удару. Он протянул к гигантской тени здоровую руку и выпустил струю газа, целясь в огромную лохматую голову. Множество капель невидимым дождем оросило великана.

Выронив дубину, тот взревел, ужаленный ядом. Отец поднырнул под падающую дубину и ударил здоровым плечом в толстое пузо. Великан вцепился в него. Ногти царапнули Отца по затылку, словно зубцы вилки по тесту. Они ненадолго схватились, как вымотанные потные рестлеры, после чего Отец выскользнул, поднырнул под мокрую, источающую смрад скотного двора подмышку, и бросился к лестнице.

За время его шумного, беспорядочного бегства едкий нервно-паралитический газ добрался до тонких тканей в голове великана. Отекшие носовые пазухи и мясистые слезные каналы теперь пылали химическим огнем. Раздался пронзи-

тельный крик, словно сработал датчик на проникновение.

Ослабленный болью в плече, Отец, спотыкаясь, спустился на пару ступеней, упал и пролетел еще несколько. В свете фонарика, проникающем сквозь перила, он заметил над собой медвежью тень. Она стучала огромными ножищами и яростно царапала воздух, словно семена тмина выплевывая то, что жгло ее носовые пазухи.

Ослабшая рука Отца принялась рыться в рюкзаке, будто раненый краб в потревоженной каменной заводи. Пальцы скользнули по стальным наручникам, мячику-кляпу, запутались в цепочке, затем высвободились. Глаза молили смрадную тьму о помощи, но пляшущий наверху великан отбросил ногами фонарик еще дальше.

Почти в самом верху рюкзака пальцы нашли холодный металл пистолета, по-паучьи нащупали рукоятку, спусковую скобу и предохранитель. Затем Отец отступил к стене, опустил голову и встряхнул ею, избавляясь от ручейков пота, струящихся по холодным, пепельного цвета щекам под балаклавой.

Боулз прекратил свое буйство, сложившись пополам на лестничной площадке. И Отец увидел, что тот вцепился в свое влажное лицо, будто пытаясь оторвать жгучие лианы, глубоко въевшиеся в кожу. Великан плевался, клокотал горлом и ругался. Сквозь этот шум Отец пытался уловить признаки того, что соседи проснулись от звона бьющегося стекла, бычьего рева и ударов в стену.

В верхней части лестницы он нашел выключатель и щелкнул им. Разбита была лишь одна лампочка, но второй светильник не зажегся. Должно быть, электричество было отключено, это объясняло умелые маневры великана в темноте.

– У меня есть пистолет, – крикнул Отец. – Я выстрелю тебе в рот, если не заткнешься.

Из-за боли в плече голос у Отца был слабым и дрожал. Ему казалось, что его торс разорван пополам, лопатка разбита, как глиняная фигурка, а ключица сочится костным мозгом.

– У меня ничего нет! – отозвался великан, после чего начал давиться рвотными позывами.

Из-за закрытой двери раздался другой голос.

– Боуи? Боуи? Ты его поймал?

В доме был еще один человек, но Отец не понимал, как такое возможно. За несколько дней он не видел, чтобы кто-то, кроме Боулза, входил или выходил из дома. Он не знал, спастись ли ему бегством или возвращаться за фонариком.

Великан не обращал на оклики другого человека никакого внимания и продолжал ругаться на свои слезящиеся глаза.

– Боуи, Боуи, – снова послышался из одной из комнат второго этажа приглушенный голос. – Я выхожу. Ты поймал ублюдка? Кто это был? Тот гребаный нарик?

Шлепая рукой по стенам и дверям, пыхтя и стуча ногами, великан удалился прочь. Отплевываясь, он наконец упал

возле раковины в ванной и принялся крутить краны.

Отец пересек лестничную площадку, дрожа от боли в плече, и нашел фонарик. В мертвую руку отчасти вернулась чувствительность. Он сунул пистолет в карман и поднял фонарик.

Вторая дверь в коридоре со щелчком открылась. Отец повернулся и направил луч фонарика в бледное лицо, которое тут же отпрянуло, словно морское существо, обратно в затхлую тьму. Дверь закрылась.

Отец услышал, как за ней посыпались какие-то предметы, и догадался, что второй человек ищет оружие. Он посмотрел на великана, стоящего на коленях в ванной, с кряхтением обливающего водой лицо. Если эти двое бросятся за ним в погоню, на улице будет много шума и криков.

– Ты хочешь этого? Да? Хочешь этого, мать твою? – выкрикнул из комнаты второй человек.

Отец сунул фонарик под мышку раненой руки, застонав от пусть даже незначительного движения сустава, вытащил пистолет и ударом ноги распахнул дверь. Фонарик светил, но слишком низко. Отец качнулся назад на горящих пятках, чтобы приподнять его. Луч света скользнул по смятому одеялу на раскладушке, по полу, усеянному одеждой и пустыми бутылками, по планшету на столе, по старому платяному шкафу и наконец остановился на костлявом лице, принадлежащем какому-то коротышке с жидкими седыми волосами, в футболке с растянутым горлом и в сползших с бедер тру-

сах. Человечек держал в руке стеклянную бутылку.

– Это был не я, – произнес он. – Я тут ни при чем. Это Боулз приводил их сюда.

Затем человечек озадаченно нахмурился, когда более внимательно рассмотрел широкополую шляпу и балаклаву Отца. Отклонившись еще сильнее назад, Отец направил луч фонарика человечку в глаза.

– Ты – не коп, – произнес человечек почти радостно, будто превзошел Отца в какой-то хитрости, после чего вскинул руку, чтобы бросить бутылку. Не задумываясь, Отец выстрелил сквозь желтый свет фонарика.

Ощерившееся лицо дернулось. Над глазом возникла маленькая черная дырочка, и в следующее мгновение затылок седой головы брызгами разлетелся по захламленной комнате, будто пригоршню гальки швырнули в лиственный куст.

Отец опустил пистолет и удалился.

Боулз сидел спиной к унитазу и прижимал к лицу грязное полотенце.

Боже милостивый. Охваченный смесью гнева, адреналина, эндорфинов радости и безрассудного желания уничтожить любого, кто встанет у него на пути, он только что убил человека. Действовал, как давно и безнадежно потерявшая управление машина. Иногда на выстрелы приезжали патрульные. Этот дом находился не в городском центре, где насилие стало привычным делом, но были ли праведные соседи знакомы со звуком пистолетного выстрела? Отец зада-

вал себе все эти вопросы, осознавая, что теряет драгоценные секунды. Пистолет издал короткий сухой хлопок, который вряд ли был на слух чем-то страшным.

Он посмотрел на следующую лестницу, ведущую на переоборудованный чердак. Наверху виднелась закрытая белая дверь. За ней раздались удаляющийся топот и негромкие голоса. Но кто бы там ни был, звуки вскоре затихли, будто люди поняли, что он услышал их. Отец вспомнил, что видел этот чердак с улицы.

– Кто там? – спросил он у Боулза. – Там, наверху?

Боулз молчал.

У его ног Отец увидел, чем тот его ударил: полированная ручка кия для снукера, отвинченная для боя в замкнутом пространстве.

Боулз посмотрел на Отца из-за полотенца одним прищуренным глазом.

– Чего ты хочешь?

Отцу пришлось проглотить комок в горле, мешавший говорить. Он по-прежнему был настолько глубоко озадачен своими действиями, что ему пришлось усиленно вспоминать, зачем он пришел в это место.

– Мне нужна информация. – Здоровой рукой он открыл рюкзак. Двумя дрожащими пальцами нашел фотографию дочери. Подошел и положил ее на пол ванной, отступил назад, затем направил пистолет на здоровяка.

Вдруг где-то наверху скрипнули пружины кровати, буд-

то кто-то забрался на матрас, и Отец снова оглянулся через плечо на дверь чердака. Испытывая любопытство, перевел луч фонарика на дверь и увидел навесной замок, затем снова посмотрел на фигуру, сидящую на полу ванной.

– Что я найду там?

– Ничего.

– Правда? – Отцу снова захотелось выстрелить, пока не приехала полиция, чтобы Боулзу никогда уже не сошло с рук то, что он делал в этом доме и других местах. – Фотография. Взгляни на нее. – Отец посветил фонариком на снимок. – Наклонись и посмотри.

Боулз подчинился, затем откинулся назад.

– Я не похищал ее.

– Тогда кто?

Он покачал головой.

– Дай мне подсказку, или эта штука снова выстрелит. – Отец помахал пистолетом в воздухе.

– Если я тебе все расскажу, ты меня убьешь.

– Твой дружок мертв. Я не хочу больше убивать, но мне придется. Фотография.

Боулз заерзал.

– Тебе нужно спросить про нее у Рори.

– Кто такой Рори?

– Он живет у набережной. Он говорил мне, что знает, кто это сделал.

Выглядывающий из-за полотенца глаз закрылся, из него

выступили новые слезы. Отец внимательно посмотрел на лицо Боулза.

– Фамилия? Адрес?

– Форрестер. Живет в одном из старых отелей. В «Коммодоре». Но тебе к нему не подобраться, потому что он связан с «Королями».

Боулз ухмыльнулся, будто гордился даже незначительной ассоциацией с бандой. «*Короли*». Он имел в виду организованную преступную группировку, заправлявшую в этом районе. Как и все другие банды, она занималась наркотиками, богатыми беженцами, проститутками, мясом и лекарствами. В основном вещами, которые больше не производились в стране и не экспортировались из других и в чем почти все люди сильно нуждались. «Короли». Название показалось ему знакомым. Да, в Бристоле они совершили множество убийств.

– «Короли»? Опять эти тупые уроды? Сколько тупых уродов живет в этом городе? Если б я знал, сколько тупых уродов здесь живет, то никогда не приехал бы сюда.

– Лучше тебе не знать. – Прищуренный глаз Боулза посмотрел на висящую на стене картину. На его пухлом лице появилось нечто похожее на гордость.

Отец достал наручники.

– Надевай. Сейчас ты отведешь меня к Рори.

– Ни за что.

– Тебе же будет лучше.

Наверху кто-то снова зашевелился. Боулз поднял глаза, не в силах скрыть обеспокоенность. Затем посмотрел на Отца и открыл рот, будто чтобы объяснить что-то. Но тот покачал головой.

– Наручники.

Боулз послушно надел их на свои рыхлые запястья, хотя сделал так, чтобы они держались как можно свободнее.

– Делай туже.

Отец услышал щелчки затягивающего механизма. И лишь когда сталь врезалась в плоть, Отец опустил пистолет.

– Та дверь на чердак, где ключи от замка?

Боулз громко сглотнул.

– Их привел Найдж... В любом случае им здесь нравится. Местный совет говорит, что мы должны принимать беженцев, типа, если у нас есть лишние комнаты.

Когда здоровяк договорил последнюю фразу, голос у него упал почти до шепота. Чем больше он видел глаза Отца в прорези балаклавы, тем сильнее теряли правдивость его слова о запертом чердаке.

Отец прислушался, не звучат ли сирены. Но все было тихо.

– Ключи.

– Пожалуйста, мистер, не надо, – едва не плача, произнес Боулз.

Я – самозванец. Уставший, очень уставший отец. Кретин с газовым баллончиком и пистолетом. Глупец в стране чудовищ, который взялся за оружие и превратился в клоуна.

Он лежал на кровати, а натруженные мышцы ног пульсировали болью. Исходившая от раскаленной, пыльной земли жара пыталась проникнуть сквозь сталь, стекло и кирпичи отеля.

Пистолет лежал на кровати возле колена, как бы намекая о его будущем – годах, которые ему, вероятно, предстоит провести в душной тюрьме. Не выдержав вида пистолета, Отец из последних сил убрал его в рюкзак, который сдвинул ногой в изножье матраса.

Вернувшись в номер, он тут же подчинился желанию своего тела лечь и более внимательно оценить причиненный ему ущерб. Жгучий утренний свет явил ему порванные брюки, в кровь разбитые в потасовке колени и покрытые порезами и царапинами предплечья. Пульсирующая боль в плече продолжала отдаваться в левой руке и по всей спине.

По крайней мере, эта странная пассивность вытеснила из головы беспокойные мысли, мучившие его с самого раннего утра. Обрывочные воспоминания о тех напряженных яростных секундах в темноте стали утихать, а затем рассеялись, словно уставшая, но некогда бесновавшаяся толпа, сменив-

шись необычным спокойствием. Несмотря на расслабленность, он ощущал в теле тяжесть. Чувствовал себя раздавленным, обессиленным. Он больше не был человеком, способным устроить такой разнос. Тот электрический ток, который бушевал у него в нервных окончаниях и крови, будто ушел в землю. Сидевшая у него внутри взбешенная обезьяна улизнула то ли от стыда, то ли от потрясения. Вернулась в темноту, оставив после себя хрупкую, трепещущую душу. Сколько раз этой визжащей твари придется появиться, чтобы в конце концов испепелить его?

Присосавшись к горлышку бутылки с уэльским ромом, он закрыл глаза и стал молиться, чтобы все это кончилось, чтобы он уже нашел свою дочь или распрощался с ней. Ее фотография лежала на подушке возле его головы. Отец понимал, что зашел слишком далеко.

Он все ждал, когда дверь распахнется. Но, несмотря на то что утром он застрелил двух человек, полиция так и не пришла за ним. Он ожидал их быстрого появления, которому предшествовали бы далекие, но усиливающиеся звуки сирен. Древняя песнь, будоражащая укоренившиеся в крови воспоминания и призывающая преступников драться или бежать. Но кто знает, какие дела теперь вообще будут расследоваться? И в эти тягучие, жаркие часы за закрытыми шторами Отец понял, что у него полно времени, чтобы обдумать свое отступление.

Вскоре после убийства из задней двери дома, соседствующей

щего с темным логовом Боулза, появился мужчина, на котором не было ничего, кроме джинсов. Он направил фонарик на Отца, напоминавшего своей широкополой шляпой уголовника с помойки. Осветил мокрое и бледное лицо человека, который был в ужасе от только что совершенных им страшных, необратимых действий. Застрелив Боулза, Отец сразу же сорвал с себя балаклаву, и его вырвало на кухне. Невольный палач, неспособный сделать то, что просит от него мир, он заблевал полупереваренным тофу болоньеze и своими ДНК все место преступления. Второе убийство лишило его способности нормально мыслить и шокировало до глубины души. Он переродился в человека, которому не место среди добропорядочных людей, таких привычных и безопасных.

Как только появился сосед, Отец тут же бросился к заднему забору. Промчался по кривым тротуарным плиткам на шатких, полуватных ногах. Колени превратились в скрипящие дверные петли, в голове метались образы и звуки: окровавленная плоть, бледные лица, громкие голоса и пистолетные выстрелы.

Сосед Боулза, тоже являвшийся отцом, который вопреки всем невзгодам привел своих детей в мир, страдающий от жары и наводнений, быстро ретировался через заднюю дверь дома. Страх и отвращение от увиденного за забором сада лишили его дара речи. Блюющий, спотыкающийся киллер в широкополой шляпе, спешащий пролезть сквозь гнилые

доски в заборе, словно напуганное животное, попавшее в загон.

То, что он стал для другого отца причиной новых страхов, ранило его сердце. Лежа в номере отеля, он испытывал из-за этого ужасный стыд. Даже те необратимые кровавые деяния, которые он совершил в темном педофильском гнезде, не тревожили его так сильно. Отец уже предположил, что случившееся в доме великана в конечном счете могло бы превратиться в его постоянную, но терпимую боль, если б семье соседей не пришлось жить в вечном ожидании очередного ночного убийцы.

Прошло несколько часов, он то и дело просыпался от жары, мучимый раскаянием и горем, на мокрых от пота простынях. Отпивал из пластиковой бутылки теплую воду и морщился. Даже глотки отзывались болью в плече. Не будь он таким худым, мышцы и жир смягчили бы удар великанской дубины. Как бы то ни было, снукерный кий срикошетил от кости, отчего Отец чувствовал себя разбитым вдребезги. Посланник божьей кары, отличившийся неловкостью и хилостью во время своих визитов в дома людей, разрушавших детство.

В полуденном серебристо-желтом свете, проникавшем сквозь единственное окно, он наблюдал, как синяк на плече расцветает, словно грязный цветок. На спине выросла тычинка цвета индиго, с черными и зелеными прожилками, похожая на яркую японскую татуировку. Над ключицей распу-

стились пестик и лепестки, алые, как у розы. Рука почти не шевелилась. Кожа от локтя до кончиков пальцев потеряла чувствительность, а под ней словно просвечивала магма раскаленной боли, грозящая вырваться наружу, стоит ему только пошевелить рукой. Отец представил себе рентгеновский снимок, который не мог сделать, поскольку ему нельзя было рисковать: расщепленная плечевая кость, гребень лопатки, раздробленный в пыль, кожаный пузырь с горячей водой, кишашей розовыми медузами. Но, по крайней мере, это левая рука.

Отделение интенсивной терапии представлялось в его воображении ослепительно-белым зданием, заполненным людьми под капельницами, еле шевелящимися и напоминающими высохших мотыльков. Он видел это по телевизору. Даже если бы его осмотрела медсестра – среди лиц, страдающих почечной недостаточностью и переживших тепловой удар – без физиотерапии его плечу потребовались бы месяцы реабилитации.

Отец представил, как остатки его средств уйдут на частных врачей или на бесконечное ожидание в медицинских центрах, управляемых неправительственными организациями. Он уже предчувствовал равнодушие медицинских работников, медсестер, санитаров и вахтеров, подергивающихся от амфетамина, который помогает им бодрствовать. Давно утративших чувствительность к смерти и мукам, которые жара причиняет людям, уже страдающим от беспоряд-

ков, травм, клановых убийств, бедности, дефицита, ярости, унижения и недоверия. Этот водоворот усиливался с каждой бурей, накатывающей с моря на Великобританию. С его работой к врачам была дорога заказана. Если он попадет в это болото, то завязнет.

Отец проглотил две обезболивающие таблетки. Осталось всего восемь. Они хорошо справлялись с головной болью, но в случае со сломанными костями были бесполезными. Он запил их из полпинтовой бутылки рома. Вернул бутылку на прикроватную тумбочку, нашел свой телефон, набрал последний номер, которым пользовалась Скарлетт Йоханссон, и стал ждать. Прошло некоторое время.

– Что случилось? – Ее голос прозвучал у него в ухе так отчетливо, что он не удивился бы, если б оказалось, что она стоит возле его кровати.

От одного звука голоса, в котором он слышал понимание, сочувствие и участливость, у него перехватило дыхание. Женщина, посылавшая его пытать сексуальных преступников, была сейчас его единственной собеседницей. Женщина, произносившая слова, как бизнесвумен, не терпящая пустой болтовни. От близости к ней в груди у него родился всхлип, похожий на большой газовый пузырь.

– С тобой все в порядке?

Этот скорбный звук, вырвавшийся из него, заставил его вспыхнуть от стыда. Он с трудом сглотнул, чтобы унять дрожь голосовых связок.

– Прости.

– Где ты?

– У себя в номере.

– Ты ранен?

– Плечо.

– Что случилось?

– Кое-что пошло не так. – Он выдохнул, пытаясь избавиться от горечи. – Полиция будет меня искать.

Какое-то время Скарлетт молчала. Сквозь чистый эфир он пытался расслышать ее мысли. Наконец она произнесла:

– Тебе нужен врач?

– Не уверен. Возможно, сломана кость. Плечо. Подожду до вечера, посмотрю, смогу ли двигать рукой.

– В плече находится множество нервов. Одно из самых болезненных мест. Давай начнем с самого начала.

Отец так и сделал, он был вынужден вспомнить и рассказать, что обнаружил на чердаке. Два тощих тела с немытыми лицами съежились под мятым одеялом, взъерошенные волосы вспыхнули в свете фонарика. Широко раскрытые болезненные глаза, юные хозяева которых давно томились под этой крышей, недоверчиво моргали. Мальчики, запертые в этой вечной сырости и мучимые невероятной жарой. Чердак был клеткой с треугольной крышей, в которой стояла вонь немытой плоти, мочи, нашатырного спирта и испарений мусорных баков.

– Теперь все в порядке, – сказал Отец мальчикам.

Маленькие лица лишь смотрели на него с недоуменным беспокойством. Своими черными глазами и землистым цветом кожи на англичан они не походили. Они не шевелились – в отличие от Боулза. Наполовину ослепший, с руками в наручниках, великан поднялся из своего убежища в ванной и бросился бежать по коридору второго этажа.

В любом случае им здесь нравится.

Отец почувствовал, как его ужас смысла волна горячей крови, ударившей в голову. Когда жар рассеялся, осталось лишь холодное возбуждение. Но, вновь обретя под ногами почву, он настиг великана.

Менее смертоносный иммобилайзер тут явно не подходил, Отец вытащил из кармана пистолет и выстрелил с верхних ступеней, когда великанья туша заворачивала за нижний угол лестницы. Раздался треск дерева, когда огромная ручища Боулза едва не свернула стойку перил. Часть стены над лестницей взорвалась, как мокрый мел.

Отец бросился вниз, перепрыгивая через три ступени раз, зажав фонарик в зубах и не сводя глаз с белого круга света, который вел его.

Со второго выстрела он попал Боулзу в спину, когда тот торопливо пересекал кухню. Здоровяк вздрогнул, но даже не замедлился. Отцу показалось, что пистолет не подходит для такой задачи. Он снова прицелился в черную влажную полосу, протянувшуюся через всю широкую спину перед ним, и дважды нажал на спусковой крючок.

Находящийся в дальнем конце кухни великан резко выдохнул, будто получив удар в живот, закричал и споткнулся об холодильник. Но его огромные ножищи продолжили идти, хоть и с меньшей решительностью. Они вынесли здоровяка на террасу, где тот неуверенно зашатался, будто старик, только что вставший с кресла.

Несмотря на то что Отец шел по коридору и кухне обычным шагом, он почувствовал, что нагоняет жертву. Пистолет снова выстрелил, хлопок отразился от покрытых пятнами плесени стен, жестяной раковины и пустот ламинированного буфета, и в спине чудовища появилась новая маленькая дырка. Размером с заклепку. На этот раз пуля по-настоящему поразила левиафана. Судя по черной, быстро вытекающей крови, пробила ему почку или печень. Великан пытался завести свои пухлые, скованные наручниками руки за спину, будто хотел потрогать свежую рану.

Отец выстрелил снова и попал ему в шею. Раздался влажный шлепок, словно чья-то ладонь прихлопнула присосавшееся насекомое, и на жирной коже появилась дымящаяся дырка. Боулз наконец потерял равновесие и, не говоря ни слова, тяжело рухнул набок, задев какой-то металлический предмет, который со звоном покатился по террасе.

Когда Отец вышел из задней двери, Боулз уже стоял на одном колене и собирался встать, словно тяжелоатлет, поднимающий груз на плечах. Отец прицелился в основание его огромной головы и выстрелил, дважды или трижды, он

не помнил, сколько точно, хотя дыры были заметными. Боулз громко закричал и бросился к забору. Выбил кулаками доску и упал. Под его грудью на цементе образовалась темная маслянистая лужа. Он больше не предпринимал попыток подняться и лишь подрагивал в теплом утреннем воздухе, а его щеки и губы шевелились, будто он разговаривал во сне.

Отец вернулся на кухню, чтобы не смотреть на то, что натворил. В то утро он впервые в жизни стрелял из пистолета: устройства, которое не должен держать в руках ни один гражданин. И оглядываясь назад, он осознавал, что совершил что-то слишком жестокое. Он не смог вовремя остановиться. Ощущал себя возбужденным бабуином, который наслаждался смертоносным преимуществом, наткнувшись на палатку охотника.

В результате травмы его разум превратился в красно-черную карусель, издающую ржавую железную музыку, проигрываемую задом наперед. Отец снял маску. Кожу головы и затылок покалывало ледяными иглами, содержимое желудка хлынуло на линолеум. С подгибающимися от тошноты ногами, пьяный от шока, он вышел на улицу и, пошатываясь, двинулся через грязный двор к заднему забору. На полпути застигнутый врасплох соседом, Отец, осознав, что он без маски, попытался отвернуться, но потерял равновесие и упал.

Поднявшись с ободранных коленей, он поспешил пролезть между сломанных досок забора. К тому моменту ды-

хание у него стало таким, что казалось, будто в голове у него бушует ветер. Взгляд метался к небу, домам, деревьям, асфальту, забрызганным ботинкам и ни на чем не мог остановиться. Вся одежда была мокрой от пота.

Когда он добрался до машины, пистолет по-прежнему был у него в руке. Другая, которая некрепко сжимала фонарик, безвольно болталась из-за невыносимой боли, охватившей половину шеи.

На обратном пути он задел как минимум две машины. У него не было средств на то, чтобы активировать навигацию, и ему пришлось управлять вручную, рулить одной рукой, на всех парах несясь из Аптона. Машина превратилась в жестяную банку, наполненную одержимостью.

Отец сглотнул.

– Он видел меня, – сказал он Скарлетт. – Сосед. На кухне осталась рвота.

– У тебя есть пистолет. Ты никогда не говорил мне об этом. Почему? У тебя же есть иммобилайзер. О чем ты думал, черт возьми?

– После Эндрюса мне стало страшно.

Во время его первого визита Малкольм Эндрюс успел сильно избить его, прежде чем Отец сумел воспользоваться баллончиком. После этого ему захотелось иметь под рукой более широкий ассортимент и действовать решительнее, на всякий случай. Старый однозарядный иммобилайзер был ненадежным. Оба предмета, которыми снабдили Отца, вы-

нуждали приближаться к цели вплотную. Слишком близко. Да и извлекать дротик из конвульсирующего тела Роберта Иста ему тоже не понравилось.

Когда он купил пистолет у нелегального торговца оружием в Стоурбридже, его трясло не только от подлинного ужаса, но и от мальчишеской радости. С момента покупки он подзревал, что однажды пистолет выстрелит. Оружие вообще не должно существовать, – теперь думал он в отчаянии. Но его было так много; проще купить пистолет, чем фунт мяса.

– Двое? Ты застрелил двоих? Господи Иисусе! – воскликнула Скарлетт, и эта временная потеря самообладания разожгла в Отце панику.

О чем он думал? Он был ранен в темноте, освещаемой лишь всполохами боли и паники, теми странными подводными существами, порожденными разумом, зеленоватыми арахнидами с плетеными лапами, вспыхивающими и исчезающими. Попал в засаду к великану-людоеду. Затем другой упырь открыл дверь, интересуясь ходом избиения. С чердака донеслось поскрипывание. Как он объяснит своей помощнице кошмар, творящийся в том логове, все те движения в темноте? Поскольку вот, что там было: пещера, темная и смердящая, с запертыми в клетках жертвами, в грязи и сырости встречавшими являвшийся из жаркой вечной ночи ужас.

– Их было двое. Боулз ждал меня. Должно быть, услышал, как я проник в дом. Когда на меня бросился другой... – Отец чувствовал себя мальчишкой, который пришел после драки

на игровой площадке, все возбужденный и опьяненный адреналином, и теперь пытается оправдаться за кровь у себя под носом.

– Другой?

– Боулз называл его Найджелом.

– Я пробую это имя. А мальчики, где они сейчас?

Отец сглотнул. Он снова попытался вспомнить, что случилось до того, как он застрелил Боулза, – нужно было найти последовательность в кровавом беспорядке, творящемся у него в голове.

– Я нашел их и...

– Что?

– Затем я погнался за Боулзом. Он побежал. Я выстрелил в него. Мне нужно было сматываться. Сосед увидел меня. Мальчики оставались наверху.

– Что с твоей маской? Ты же был в маске?

– Я снял ее, когда меня начало рвать. – Голос Отца утратил силу. Он чувствовал, как теряет силы, просеивая обломки своего визита, разделяя бремя катастрофы с другом, который дал ему шанс найти дочь.

– Он видел тебя?

– Да.

– Они мертвы? Ты уверен?

Мертвы. Странно, но он до сих пор не мог полностью оценить тяжесть этого слова. Шок и отвращение оставили мало места для осознания истинных последствий его действий. Но

сейчас это слово отдалось внутри него, как звон огромного кимвала. От реверберации зубы застучали, а волосы на похолодевшей коже головы встали дыбом, словно наэлектризованные. *Мертвы.*

Он отнял две жизни. Эти маленькие огоньки ежедневно преждевременно гасли по всему миру, и за несколько лет их количество исчислялось десятками миллионов. Но он никогда не думал, что станет причастным к этому великому затмению, даже в такой грязной воде, в которую он сейчас вошел. Видеть мир, чувствовать своей кожей его температуру, грезить, думать – те двое теперь всего этого лишены. Больше они не будут дышать, пусть и упивались вещами, способными вызвать у любого добропорядочного человека тошноту.

– Думаю, да.

– Думаешь?

– Уверен. Я попал... первому в лицо. В Боулза пару раз. С близкого расстояния.

Было в этой казни с помощью пистолета что-то решительное и глубоко личное, будто он был каким-то полувоенизированным бунтовщиком в Центральной Африке, в месте, превосходившем даже библейские описания ада. Отвращение снова усилилось, когда он вспомнил темную кровь, вытекающую из бледной шеи Боулза на зеленую террасу.

– О боже.

– Я помогу с этим. Но тебе главное сохранять спокойствие и не высовываться. Выходи из номера лишь ненадолго. Или

совсем не выходи, если только у тебя не сломано плечо. Можешь купить еды и воды внизу, если у них есть. А пока я выясню, что происходит. Мы даже не знаем, вызвал ли сосед полицию, а еще кому-то нужно эвакуировать тех детей.

Отец заметил, что нотка разочарования в ее голосе стала менее выраженной. Он сказал уже достаточно, чтобы испортить день кому угодно, но не все. *Выкладывай уже.*

– И... машины. Я задел на обратном пути несколько машин.

Скарлетт Йоханссон промолчала, но это молчание было хуже любых слов. Он почти слышал, как рвутся нити, на которых он болтался. Она не станет с ним больше работать, и ему не хотелось больше оставаться самим собой.

– Есть кое-что еще.

Вздых.

– Продолжай.

– Боулз. Я допросил его, до того как... и он рассказал про человека по имени Рори, который живет в «Коммодоре», у побережья. Он что-то знает. Рори Форрестер.

– Молодец.

Ему захотелось расплакаться от этой скудной похвалы.

– Этот тип, Рори, он связан с мафией. С бандой «Короли». Так сказал Боулз.

– Ни хрена себе. – Она произнесла эту фразу шепотом, отчего та прозвучала еще зловеще. – Они... Ладно. Я проверю. Какую-нибудь аппаратуру удалось добыть?

– Нет. Я зашел и вышел... наверное, через пару минут. Мне казалось, что я пробыл там дольше, но на меня напали сразу, как только я поднялся наверх. Времени хватило лишь на пару вопросов. Я брызнул в Боулза из баллончика. Но если бы он не побежал, если бы... на чердаке никого не было, ничего бы не случилось. Ничего этого.

– Мы не знали, что он не один, но подозревали, что он снова взялся за старое. Должно быть, он организовал новую группу. Как твоя голова?

– Голова?

– Как себя чувствуешь?

– Не знаю. Как и следовало ожидать, наверное.

– Как думаешь, сможешь залечь на дно?

– Да.

– Я позвоню, когда разузнаю все поподробнее.

– Этот Рори, мне нужно нанести ему визит...

– Боже, нет. Даже не думай об этом. Боулз был лгуном. Садистом и лгуном. Возможно, это дезинформация. Мне нужно все тщательно проверить, прежде чем мы что-то предпримем. А если этот Рори живет на побережье, это будет проблематично. Даже местная полиция больше не появляется там, разве что в самых крайних случаях. Ты – не военный, и ты расстроен и ранен. Ты должен оставаться на месте.

– Меня беспокоит, что мы теряем время. До этого у нас не было зацепки. А теперь у нас есть имя.

– Твоя дочь пропала два года назад. Пара дней или недель

ничего не решат. Не сейчас. Прости.

10

Шесть дней он оставался в номере. День и ночь держался за плечо и иногда плакал. Сустав и рука превратились в больного ребенка, нуждающегося в тепле и ласке родительского ухода. Единственным светлым моментом был прохладный душ, ежедневно даровавший по минуте блаженства. Но в тесном и жарком номере пот немедленно собирался вновь в каждой трещинке и складке его тела.

Большую часть воды, выделяемой для его номера, он пил из-под крана в ванной. Один раз в день позволял себе набирать полную раковину холодной воды. Опускал в нее лицо, а правое запястье подставлял под бегущую струю, чтобы остудить горячую кожу руки.

Когда ему требовалась еда, он брел к торговому автомату на пустом ресепшене двумя этажами ниже. Каждый шаг заставлял его задыхаться. Картонные коробки с едой были изготовлены его последним работодателем – культивированные микропротеины, которые несколько лет назад он рьяно помогал распространять, поскольку мировые цены на продовольствие выросли, а экспорт сократился. Обеды были ароматизированы и по форме напоминали продукты, которые ели когда-то, в лучшие дни. С тех пор как он перестал работать в сфере логистики – хотя он почти не вспоминал то

время – было сделано несколько улучшений.

Пятнадцать лет назад, когда его компания начала распространять эти обеды, Отец задавался вопросом, не придется ли однажды ему самому есть еду, изначально предназначенную для голодающих. Питательное вещество с высокой степенью переработки являлось дополнением к зарубежной продовольственной помощи, когда запасы зерна сократились, а затем практически исчезли. Производство большого количества в ущерб разнообразию быстро стало насущной потребностью. Но каждый синтетический пищевой продукт, неустанно производимый химическими заводами страны, теперь потреблялся внутри страны, заменяя собой мясо и молоко, и не добирался ни до обессиленного чернокожего населения Африки, ни до жутких палаточных лагерей, возведенных в Южной Европе.

Еда в автомате стоила в три раза дороже, чем в магазинах, но Отец покупал ее и ритуально разогревал в одной из двух микроволновок в кухонной зоне, после чего осторожно возвращался к себе в номер. К тому времени, когда он садился за маленький столик, еда остывала и ее можно было есть пластиковой ложкой, хотя даже медленное шевеление челюстью отзывалось в плече болезненными покалываниями. Он пытался ослабить неутихающие боли либо садясь, либо ложась на бок и постоянно поправляя подушку на мокрой от пота кровати. То, что пальцы левой руки сохранили подвижность, являлось хорошим знаком, и по этой причине он от-

кладывал поход в больницу в Шипхее. Больница находилась недалеко от того места, где он с семьей когда-то жил, и он не смог бы снова смотреть на этот холм, как и видеть всплывающие в памяти силуэты старых домов.

Спать ему удавалось в разное время суток: в полдень, с шести до девяти утра, в получасовые отрезки второй, самой жаркой половины дня, после которых он просыпался мокрым от пота. Иногда он дремал влажными вечерами, когда его собственный животный запах заполнял тесный номер. На третью ночь он так глубоко провалился в сон, что проснулся лишь в середине следующего дня, когда солнце давило на здание отеля своим огненным жаром. После этого он снова заснул или, может, потерял сознание и очнулся лишь после полуночи.

Прерывистым был его сон или долгим и похожим на коматозный, он оживал пугающими видениями, от которых Отцу казалось, что мозг у него разбился, как глиняная посуда при падении на жесткий пол – а потом был кое-как и неправильно собран.

В часы бодрствования Отец убивал время за просмотром новостей по каналам, предлагаемым медиаслужбой отеля. На других каналах, как всегда в изобилии, были доступны старые фильмы и драмы, документальное кино и комедии, но последние два года он не позволял себе никаких развлечений, давно решив, что лишен права на досуг. Все легкомысленное и пустячное стало для него невыносимым напо-

минанием о временах, потерянных им навсегда.

День и ночь, покрытый потом и периодически стонущий от пульсирующей боли в плече, Отец просто неподвижно лежал и наблюдал за охваченным бедствиями миром.

Сообщалось, что на территории от Средиземноморья до Северной Германии от жары погибло почти полмиллиона человек. Крупные пожары тухли, затем возобновлялись и снова тухли. Из-за жары на земле бороться с ними возможно было только с воздуха, поэтому огонь продолжал бушевать довольно долгое время.

Также сообщалось, что египтяне бомбили эфиопов, а эфиопы обстреливали египтян. Огромные иностранные фермы в Судане, Мозамбике, Эфиопии, Конго и Алжире были снова разграблены голодающими и группами исламских боевиков. Саудовские конвои с зерном, покидающие Судан, подверглись нападению и разграблению. Наемники предприняли ответные действия. Демонстрировались кадры с множеством трупов, лежащих на красноватой земле Африканского континента. Рыхлая и нестабильная конфедерация повстанческих лидеров обвинила Южную Африку в сокрытии продовольствия.

Но что беспокоило Отца больше всего, что по-настоящему заставляло его зажиматься – это новости о том, что шестьдесят миллионов гектаров африканских пахотных земель, когда-то сданных в аренду иностранным державам, теперь дают лишь сорок процентов урожая.

От этой цифры Отцу делалось дурно. Двадцать лет назад Африка отказалась от большинства иностранных инвестиций в животноводство и производство биотоплива в пользу выращивания устойчивых к засухе зерновых, но было уже слишком поздно. Быстрое и необратимое скатывание к голоду, кризису и эвакуациям по всему континенту и за его пределами казалось таким же заразным, как две новые пандемии.

В перенаселенной Азии процветал штамм коронавируса SARS. Новое заболевание называли SARS CoV11. Затем появились кадры из Восточной, Северной и Центральной Африки, где бушевала лихорадка реки Габон. Операторы снимали из-за лачуг лежащие на земле предметы, напоминающие цветные спальные мешки. В городах из коряг и гофрированного железа стояла жуткая тишина. На обочинах грунтовых дорог валялись груды тощих тел. Вооруженные люди с тряпками, закрывающими носы и рты. Младенец, неподвижно лежащий на истощенных грудях матери. Бульдозеры, выкапывающие большие канавы в красной почве, куда затем скатывали трупы в пластиковых мешках. Черный дым, клубящийся над кострами, за которыми присматривали похожие на древних пастухов люди с длинными палками. Корейский аэропорт, затянутый желтым смогом. Вооруженные полицейские и люди в белых костюмах, собравшиеся вокруг стоящих на земле самолетов. Лаборанты, выдавливающие в поддоны жидкость из пипеток. Грузовики, стоящие на блок-

постах. Снова люди в масках. Китай, Филиппины, Таиланд, Непал, Бангладеш, восток Индии: везде свирепствует вирус.

Россия и Китай произвели обоюдную высылку дипломатов и наложили друг на друга новые санкции из-за Сибири. В Пакистане произошел еще один государственный переворот из-за долговременного кризиса с пресной водой. Мужчины продолжали топтать ногами в сандалиях индийские флаги, бить себя руками по голове и поднимать с земли белую пыль, в то время как большая группа индийских генералов собралась за трибуной для встречи с прессой.

В конце концов на четвертый день своего заключения Отец предпочел сидеть в тишине, с выключенным телевизором.

11

Скарлетт Йоханссон позвонила Отцу в семь вечера, на шестой день.

Он стоял голый у изножья кровати и медленно поднимал левую руку, сперва в сторону, затем вперед, будто сигнализируя флажком садящемуся самолету. Судя по информации с множества посещенных им интернет-сайтов, плечо он, вероятно, не сломал, а лишь получил сильный ушиб. В худшем случае треснула кость. Если нет перелома, руке все равно придется восстанавливать подвижность. Красно-черный цветок, разросшийся на руке и спине, стал желто-зеленым.

Хоть какой-то прогресс.

– Человека, которого ты застрелил, звали Найджел Баннерман. Он тесно сблизился с Боулзом в тюрьме... – Скарлетт принялась перечислять преступления этого типа, и Отец, слушая, закрыл глаза. – Мы обратились к сочувствующим людям в твоём районе, чтобы узнать, как развиваются события. Есть несколько хороших новостей: дело остается открытым, но будет поглощено различными нераскрытыми убийствами.

– Слава богу.

– Да уж. Убийный отдел там завален делами, так что наше не будет приоритетным. Возможные причины двойного убийства в настоящее время связывают с деятельностью политически мотивированных «народных мстителей». В этом районе у националистов большая поддержка. Организованная преступность тоже не исключается, но никто не думает, что все это провернул одиночка. И никто у меня на работе не требует твоего немедленного ареста за убийство Баннермана и Боулза. Им давно известно, что сексуальных преступников и педофилов притягивает ситуация с беженцами, поэтому предчувствие подсказывает мне, что полиция не будет скрипеть зубами из-за некоторого уменьшения их численности. Хотя не думаю, что с этих пор тебе можно будет убивать без стеснения. Больше такого не должно случиться. Понимаешь?

– Я никогда не собирался делать ничего подобного. Что

насчет Роберта Иста?

– Он не заявлял насчет твоего вторжения, поэтому бояться нам нечего. Что касается остальных, то у Тони Крэба сейчас деменция, и никто не свяжет его с Малкольмом Эндрюсом или Бинди Берриджем, которые до сих пор не заявили на тебя. То, что уровень преступности здесь выше среднего по стране, работает в целом в твою пользу. Общественные беспорядки, насилие в семье, изнасилования, пьяные дебоши, бандитизм, наркомания и так далее. Так что у местной полиции забот сейчас выше крыши.

Отец сглотнул.

– А те два мальчика на чердаке?

– Греки. Нет никаких сведений насчет их въезда в Великобританию. Социальные службы проверяют записи о гражданах Греции, имеющих статус беженцев, чтобы узнать, возможно ли найти их родственников. Есть вероятность, что они стали жертвами торговли людьми.

Больше Скарлетт Йоханссон ничего не сказала. Если его дочь была продана за границу бандой педофилов, его поиски напрасны.

В одной только Южной Европе миллионы вынужденно покинули свои дома, и вместе с миллионами беженцев со Среднего Востока и Африки устремились на север Европы. Это изменило континент. Каждый мужчина, женщина и ребенок к югу от Франции постоянно спасались от засухи, жары, голода, войн и неисчислимых болезней. Шла крупней-

шая миграция одного вида, когда-либо известная этой планете, и пропасть без вести сейчас было проще простого. Третью всех беженцев являлись дети.

Отец знал, как преступные группировки находят людей, готовых на все, лишь бы сбежать из своей страны, а затем и из поселений для беженцев, в которые их загоняют. Бандиты обнаружили неисчерпаемые запасы беззащитных, ослабленных, напуганных и сбитых с толку людей, которым они могли навязать свою волю. Также он узнал из своего тщательного исследования, что, согласно предварительной оценке ООН и Интерпола, количество детей в Европе, используемых в проституции на момент похищения его дочери, приближалось к одному миллиону. Можно было только догадываться, сколько еще детей с тех пор попало в сексуальное рабство.

Отец вытер предплечьем пот с лица.

– Что у тебя есть на этого Рори Форрестера?

– В молодости он сидел за изнасилование и развратные действия. Попал в одну юго-восточную группировку. И его последним известным занятием была торговля людьми. За переправку азиатских девушек в Лондон он был арестован и заключен в тюрьму. Согласно отчетам о его досрочном освобождении, он перебрался в Портсмут. Исчез с радаров на два года. Местная полиция даже не знала, что он проживает в их районе.

– Но они же навесят его?

– Вряд ли, если он в банде Короля Смерть. Как я уже

сказала, полиция уже сыта по горло этими ребятами. Банда Короля Смерти развернула на территории графства бурную деятельность. Нелегальные табачные и наркофермы в Дартмуре. Незаконные операции со свининой и птицей. Оборудование для подпольного производства сидра. И торговля людьми, поскольку местные лагеря стали для беженцев самыми востребованными пунктами назначения в Европе. «Короли» сейчас проникли практически во все и вся. Строительство лагерей, мошеннический захват земли под новую застройку, фальшивые удостоверения личности, любые виды контрабанды, продажа оружия джихадистам и националистам, угоны автомобилей в массовых масштабах, мясо для черного рынка. И этому нет конца. Кое-кто в правительстве считает, что вызываемые ими проблемы должны быть более приоритетными, чем климат. Но после беспорядков в Турции полиция и армия отказались от облав.

– Так, значит, он продолжает в том же духе? Как и все они. Никто их не ищет. Прецеденты уже имели место. Господи.

– Не совсем так. В отношении его будет обязательно произведено расследование. Со временем. Его разыщут, когда это позволят ресурсы и время. Но темп задаешь здесь не ты. И не я.

– Но как долго ждать? Когда в отношении Рори будет начато расследование? Речь идет о неделях, месяцах... или большем сроке?

– Не знаю. Организация Короля Смерть очень опасна.

Сейчас это, возможно, самая серьезная преступная группировка, действующая почти по всей стране. Она появилась несколько десятилетий назад, когда в России пал коммунизм. Начинали с транснациональных афер, контрабанды импортных товаров с высокой налоговой ставкой. Несколько лет назад они превратились в специалистов по похищению людей с целью выкупа. Возможно, ты даже помнишь похищение в 2036 году детей руководителей индустрии солнечной энергетики. Это были они. Ходили слухи о десятках других высокопоставленных лиц, о которых не упоминали в новостях, но которые заплатили значительные выкупы, чтобы вернуть назад своих управленцев и их детей. Это были самые доходные дела «Королей», пока наркотики, оружие, продукты и лекарства не расширили франшизу. Но наиболее прибыльным бизнесом для них была торговля людьми, особенно там, где она сочеталась с проституцией. — Они установили связи со всеми местными элементами, связанными с беженцами — курдами, сербами, североафриканцами и прочими. Больше этнической дискриминации не существует. Когда трансграничный обмен оперативными данными был свернут, можно только догадываться, сколько закоренелых преступников хлынуло сюда из Восточной Европы. Хотя Интерпол полагает, что эта группировка в одной только Великобритании сейчас насчитывает более восьмидесяти тысяч рядовых «пехотинцев». Это — одна из самых успешных банд за последние двадцать лет.

Отец, как и все остальные, видел на побережье членов банды, наблюдал, проезжая мимо, как они расхаживают в более приличных районах гавани, часто возле больших загородных домов. Этими зданиями они завладевали с помощью огромных денег в сочетании с запугиванием. Множество толстяков, иностранцев и местных, становившихся хозяевами этого спасительного европейского острова, громко разговаривали по телефонам или любовались своей одеждой и машинами. Стоя на длинных подъездных дорожках, открывали и закрывали багажники или играли с собаками. На первый взгляд немногословные и ленивые, в дорогой одежде, они пили вино в лучших отелях за высокими заборами, широко расставив ноги в наглом самодовольстве. Мужчины в шезлонгах возле плавательных бассейнов. Свиньи, разодетые во все, что французские и итальянские компании по-прежнему могли производить и продавать по абсурдным ценам. Самых богатых и важных из них никто никогда не видел; у них были частные владения, пентхаусы, подземные особняки и комплексы, огороженные стенами, через которые Отец никогда бы не смог перебраться.

– Не понимаю. Зачем им похищать мою дочь? У нас же нет денег. Совсем нет денег. С нас нечего взять. Я был региональным менеджером. В этом нет смысла. Чтобы стать для них мишенью, мы должны были иметь что-то, что им нужно.

– Ты прав, в этом нет смысла. И я знаю не больше твоего. Но послушай, давай не будем увлекаться слухами от Маррея

Боулза. Возможно, он сказал так, только чтобы запугать тебя своими связями. Если ее похитила банда, то с целью...

– С целью чего?

– Чего-то, о чем мы, наверное, не захотим говорить. Хотя это кажется маловероятным. Вряд ли банда стала бы похищать ребенка из семьи среднего класса без возможности выкупа. Ваша семья не соответствует профилю жертв торговцев людьми. Не то чтобы это невозможно, просто маловероятно. Гораздо проще найти добычу среди беженцев и оштрафованных на побережье наркоманов.

Торговцы людьми. Она снова упомянула их. Отец почувствовал, как при малейшем предположении о международной связи, о расширении географических границ поисков, делающем их неосуществимыми, внутри у него что-то обвалилось.

– В это трудно поверить, – добавила Скарлетт, – но у полиции почти нет оперативной информации, поступающей из организации Короля Смерти, и они не могут проверять свидетельские показания. Но если есть связь с бандой Короля, репрессии за стукачество очень суровы. Хочу, чтобы ты освежил свою память и вспомнил разборки между бристольскими наркоторговцами в 2047 году, чтобы понять, с чем мы столкнемся.

Отец сжал здоровую руку в кулак.

– Существуют методы, которые иногда используются для извлечения информации. Я читал об этом. Знаю, что такое

бывает.

– Пытки? Конечно. Для подозреваемых в политических убийствах и убийствах высокопоставленных лиц, а также в связях с террористами. Но с помощью слуха о торговце людьми и одном пропавшем ребенке вытянуть ничего не удастся. Ваше дело уже очень старое.

Отец на мгновение забыл боль в плече и стиснул зубы.

– Я сделаю это.

– Нет. С тебя уже хватит. Пока все поправимо, но любые дальнейшие действия могут привести к тому, что тебя поймут или того хуже. Ты не можешь рисковать, приближаясь к этой группировке, потому что знаешь, что случится тогда? Ты будешь рисковать всем: собой, мной, нашей работой и нашей помощью другим в подобной ситуации. Все зашло слишком далеко. Мне очень жаль.

– Мы же уже близко.

– Нет, это не так. У нас нет ничего конкретного.

– Боулз не лгал. Я знаю. Знаю, что он не... У него была эта картина. Жуткая, странная. Такого подобный тип не стал бы... Не знаю... держать у себя в доме. По-моему, на ней была изображена смерть. Но, кажется, она намекала на кое-что еще, на связь. С Королем Смерть? Возможно. И этот Рори Форрестер связан с ними. В том, что сказал Боулз, наверняка, что-то есть.

– Откуда ты знаешь? Из картинок и хвастливой болтовни какого-то подонка о его связях с мафией? Нам потребуется

гораздо больше, чем это.

Я не согласен.

12

В течение следующих трех дней Отец просиживал за планшетом в своем маленьком номере. Искал, отфильтровывал, бегло прочитывал, иногда останавливался, откидываясь назад. Из-за жары и воздействия фотографий и видеоматериалов, которые он находил, кружилась голова и накатывала тошнота. Ему не потребовалось много времени осознать, что, если Король Смерть связан с похищением его дочери, то шансы изменились и риски неисчислимо возросли, возможно настолько, что у него отобьет всякое желание покидать номер.

В его памяти всплыли давние инциденты в Бристоле, Лондоне, Глазго, Кардиффе, Лидсе и Плимуте. Списки жертв и фотографии покрытых шрамами, татуированных, бесчувственных лиц мужчин, которые проделывали с людьми такое, что было бы неуместно даже в средневековых битвах. Эти деяния постепенно стали восприниматься общественностью с оцепенелой обреченностью. Еще одно неподвижное последствие экономического неравенства, кризиса с беженцами, нескончаемых убытков от аномальной жары, штормов и наводнений. Эти факторы предоставляли бандам все возможности, чтобы ускоренно добиваться своих це-

лей посредством вымогательства, взяточничества, похищения людей, шантажа, запугивания и насилия.

В сороковые годы страну захлестнула череда убийств на почве мести и войн за территорию. Людей душили, жгли, убивали выстрелом в голову и обезглавливали. Каждый способ убийства превращался в подпись банды в зловещем состязании, кто обрушит еще больший кошмар на мир, уже рыдающий от ужаса. Но именно «Короли» были истинными правящими монархами разорения, порока, коррупции и убийств.

При виде того, что они сделали в Бристоле в 47-м, Отец отвернулся от экрана. Представители общественности обнаружили тела до прибытия полиции, сфотографировали и опубликовали снимки. На полу террасного дома лежали восемнадцать обезглавленных тел со связанными руками. Жертвами были торговцы людьми, не пожелавшие подчиняться более жестокому клану, который поощрял обезглавливание, чтобы оставить после себя след в ужасном десятилетии. Это была бесконечная карусель из пожаров, усыпанных стеклом улиц, тел под брезентом, сверкающих на солнце полицейских щитов, плакатов, снятых с воздуха разрушенных домов в других графствах, бурлящей бурой воды, стремительно текущей там, где когда-то жили люди, согнутых пополам деревьев и палаточных поселений, простирающихся в бесконечность. И Король Смерть процветал в этом хаосе.

Ухмыляющаяся костлявая фигура в развевающихся лох-

мотьях была более эстетичным атрибутом, которым гордилась банда. Их самоуверенность была настолько наглой, что рядовые бойцы татуировали у себя на шее или на спине ее, обвитую погребальными свитками со списками их деяний, написанными на латыни. На улице или в тюрьме татуировка являлась лучшей защитой, чем бронежилет.

Независимые журналисты давно утверждали, что в отношении банды никогда не велось серьезных расследований. Если они убивали своих членов или бандитов из соперничающих с ними группировок, а не обычных людей, то сохраняющая нейтралитет и перегруженная работой полиция, видимо, придерживалась политики «сдерживания и наблюдения».

Приоритетами того времени министерство внутренних дел называло изменение климата, гражданские беспорядки и терроризм. Раз в два года проводилась эвакуация гражданского населения из пострадавших от непогоды частей страны. Регулярная армия несла караульную службу и неустанно патрулировала электростанции, посеы, солнечные фермы, фабрики по производству синтетической еды и закрытые общины, постоянно переманивавшие полицейских и солдат к себе и щедро за это платившие. Необходимо было контролировать огромный поток беженцев, следить за тем, чтобы во время эвакуации из затопленных районов дороги были свободны. Этим было поглощено все внимание защитников закона, порядка и безопасности. Достаточно было десять ми-

нут посмотреть новости, чтобы довольствоваться официальными объяснениями того, почему страну захватила преступность, как политическая, так и организованная. Даже богатые не были застрахованы.

От преступности не было спасения. Ее приняли и с ней смирились, как и со многими другими страшными вещами. И она проникла во все сферы деятельности, как сказала Скарлетт, особенно в политику и частный бизнес.

Отец всегда знал, что глупо полагать, что люди забудут старый мир и будут довольствоваться его еще пригодными к эксплуатации реликвиями. Банды занимались поставками, когда другие не могли, либо копили ресурсы для себя. Было ошибкой считать, что обычные люди смогут обходиться без мяса и довольствоваться зерном и синтетикой. Они поняли это двадцать лет назад, когда занимались поставкой продовольствия. Черные рынки были неизбежным явлением. Люди знали, что то, что им нужно, где-то доступно. Люди знали, где они предпочли бы оказаться. Люди заплатят любые деньги за лекарство, если у них заболит ребенок.

После того как Отец вернул вещи дочери в рюкзак, а рюкзак – в шкаф, руки у него дрожали. Закрыв глаза и уставившись в одну точку, он попытался прогнать из головы все образы жертв Короля Смерти и своих собственных. И те и другие обладали неуютным сходством, словно знаки на сходящихся в одной точке трассах, ведущих в одном направлении, к далекому месту встречи.

Когда он почувствовал, что в состоянии осмотреть свое снаряжение, то разложил его на кровати и перезарядил пистолет. Затем перебрал последний комплект свежего нижнего белья. Одевшись, посмотрел в Интернете спутниковые снимки «Коммодора» и дома Рори Форрестера, подручного Короля Смерти.

Прежде чем покинуть номер, он оставил Скарлетт Йоханссон голосовое сообщение: «Мне очень жаль... Я ухожу... Сегодня мне нужно поговорить с Рори Форрестером. Что бы ни случилось, никто никогда не узнает, что ты помогала мне. Клянусь».

13

Направляясь к «Коммодору», Отец вспоминал, как выглядели город и гавань много лет назад, когда во время отпуска им с женой впервые довелось увидеть Торбей с моря. Они сели на паром из Торки в Бриксхем, и с палубы любовались видом скал и холмов, покрытых белыми, похожими на детские кубики зданиями. Выдуманный город, потрясающий в ярком солнечном свете, маскирующийся под Эльдorado, Танжер или Пейю, с пришвартованными прогулочными катерами и яхтами, чьи мачты напоминали копья рыцарей, собравшихся в бухте.

Далекie толпы в гавани могли даже сейчас пробудить смутные воспоминания о старых Каннах и Сен-Тропе. По

крайней мере в тех, кто знал, что раньше это место называлось Ривьера и что на ее тенистых террасах можно было потягивать прохладные напитки или наслаждаться блюдами из морепродуктов, сидя в одежде из легкого хлопка на белой от соли палубе. Даже сейчас многочисленные колонны бывших элитных апартаментов и домов для престарелых, переданные первым, самым удачливым беженцам из затопленных районов побережья и пострадавших от наводнений городов, по-прежнему выглядели великолепно. Но только если смотреть на них издалека – с воздуха или блистающего моря.

Пробираясь через окраины того, что осталось от маленького полуострова Ливермид, почти полностью размытого до обочины дороги, ведущей из Престона, Отец старался держаться в тени огромного волнореза и двигался на восток.

Толпящиеся люди отворачивались, подталкивали Отца локтями, их лица постоянно менялись, в них читался либо вызов, либо равнодушие. Одна половина длинной, ведущей к гавани дороги была черной от тени, и в ее драгоценной прохладе теснились многочисленные фигуры. В основном иностранцы, не желавшие тратить больше времени, чем необходимо в лагерях, переполненных шале, находящихся дальше к востоку, или в шумных городских многоквартирниках. По дороге с одной проезжей частью медленно ползли старые хрипящие автобусы и несколько машин.

Толпы. Всякий раз, когда он сталкивался с толпами, они добавляли его поискам почти невыносимое ощущение тщет-

ности, и он проглатывал этот комок отчаяния, словно одинокая чайка – кусок морского мусора. Поскольку эти сцены находились в постоянном движении, ни одна из них не могла быть воссоздана с какой-либо степенью точности. Деревни, города и городишки бесконечно перезаселялись, и все больше и больше лиц заполняли маленькие пространства. Люди научились уходить в себя и смотреть поверх этих многочисленных голов, чтобы не ощущать бремя этих масс. И как в таких толпах отыскать одну маленькую девочку с испуганными голубыми глазами и черными как смоль, унаследованными от матери волосами, с прыгающей походкой и с привычкой сразу же плакать, когда ей становится страшно? *Ей было всего четыре, когда ее забрали из дома.*

Как возможно помнить одно крошечное личико? Ежедневно этими тропами бродили сотни тысяч людей, появляясь и исчезая. Разум не в состоянии хранить в памяти такое количество лиц, проносящихся мимо в бесконечном потоке дней, недель, месяцев и лет.

Два года.

В тот день, когда она была похищена, свидетелей не было. Ни одного.

И больше никто тебя не ищет. Только папочка.

Кто-то должен заговорить – кто-то, кто присутствовал там и помогал затащить маленькую фигурку в машину, либо кто-то, обладающий секретной информацией. Скоро они зашепчут либо будут выплевывать свой рассказ вместе с кровью из

разбитого рта. Рассказ, который поможет ему приблизиться к цели.

Вы зажимали ей рот или накачивали ее наркотиками? Открыла она снова глаза? Открыла и увидела монстра? Ее крошечное сердце не выдержало при виде пропасти, разверзшейся между воротами палисадника и ее темными глазами?

За каждую пролитую ею слезу я буду вырывать по кусочку вашей трепещущей плоти. Вы испытаете все те ужасы и страдания, которые пережила она.

Углубляясь в гавань, Отец заставил себя прогнать прочь мысли, продолжавшие постоянно посещать его, отчего лицо у него превратилось в бескровную деревянную маску, скривившуюся от боли старых переживаний. И мука от этих воспоминаний была вечной.

От прежнего прибрежного рая не осталось и следа. Отец будто странником попал в древние времена, высадился на берег в душном улье пиратов, рабов, головорезов, беспризорников и карманников, запыленных и отчаявшихся попрошаек и апостолов мутировавших религий, чья вера все сильнее укреплялась знамениями конца света. Все устремлялись сюда из мест, превратившихся в запеченную глину и сожженных дотла, прибывали в город, осажденный и атакуемый безжалостным и вместе с тем бесконечно безжизненным морем.

Немногочисленная молодежь улыбалась друг другу в обнесенной высокой стеной гавани, скользя вдоль широкой

улицы под иссохшими под палящим солнцем зданиями. Зданиями, которые воздвигли викторианцы, не подозревавшие, что те станут такими грязными и облезлыми, как сейчас, спустя два столетия после того, как промышленная революция изрыгнула угольные печи и горелки.

Над гаванью Отец видел утес, покрытый длинными ранами эрозии, с вкраплениями белого щебня от обрушившихся несколько лет назад башенных домов, когда дожди смыли верхний слой красной почвы и глинистые потоки устремились к морю. Зброшенные здания стояли на вершине утеса, словно самоубийцы на краю пропасти, тараща пустыми глазами на коварную бухту, многие годы сотрясавшую их штормовыми ветрами и приливными волнами. Но город не был брошен. Пока. Потрепанный и разрушающийся, он все еще кишел людьми, поскольку мест, куда можно было уйти, становилось все меньше. Но когда весь этот город будет окончательно смыт, – гадал Отец, – и его фундамент станет выбеленным, словно разбитые клювами чаек ракушки?

Мужчины, которые стояли вдоль пристани, прислонившись к стенам, или возле дверных проемов, под дырявыми вывесками с устаревшей рекламой дискотек, плавательных бассейнов и рыбных блюд, наблюдали за Отцом, словно угрюмые часовые. Над вывесками возвышались остатки неоклассических арок, куполов, вычурных каменных балконов и других мещанских капризов. Когда Отец встречался с мужчинами глазами, те отворачивались, хотя у него скла-

дывалось впечатление, что его присутствие им вовсе не безразлично.

Пахло жареной соей, маслом, домашним сахаром, коврами, залитыми пивом и нагретыми на солнце. Над толпами плыли звуки винтажной электронной музыки. От запахов пота, морской соли и канализации спертый воздух становился еще душнее. Огромные чайки с разинутыми в жуткой гримасе клювами, казалось, только и ждали, когда кто-то внизу споткнется и упадет. Их помет образовал грязные наросты на водосточных трубах и декоративной штукатурке.

Отец пробирался вдоль огромного бетонного волнореза, заслоняющего собой смертоносный водный горизонт. Двигался боком, пригибаясь, сквозь толпы торговцев наркотиками, выставяющих перед ним руки, словно шлагбаумы. Предложения купить кокаин, амфетамин, экстази, героин, в основном местный и только что приготовленный, произносились шепотом, словно запретные, мистические заклинания разномастных пророков и прорицателей. Арабы, африканцы, греки, испанцы, турки, алжирцы, египтяне, краснолицые, изнывающие от жары англичане, мускулистые и потеющие, толпились вдоль всей набережной, перед пабами и лотками с мороженым, кафе с марихуаной и некоторыми все еще открытыми ресторанами, продающими стряпню из искусственного мяса и рыбы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.